

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Шопоталик
и брачные
узы

Шопоголик

Софи Кинселла

Шопоголик и брачные узы

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Шопоголик и брачные узы / С. Кинселла — «Эксмо»,
2002 — (Шопоголик)

На этот раз Бекки вляпалась основательно. И дело совсем не в просроченной кредитке, а в свадьбе – событии, которого каждая девушка ждет с нетерпением. Не сумев отказать родным, Бекки попадает в историю, больше похожую на неразрешимый квест. Ей нужно сыграть две свадьбы – в одно и то же время, с одними и теми же гостями, но на разных континентах! В Лондоне ждут любимые мама и папа, а в Нью-Йорке свекровь уже колдует над вечеринкой столетия. Как же совместить два торжества, не обидеть родителей и воплотить в реальность детскую мечту об идеальной свадьбе? Бекки придется продемонстрировать всю свою изобретательность, ведь нужно спешить – надеяться на чудеса не приходится!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Кинселла С., 2002
© Эксмо, 2002

Содержание

1	8
2	20
3	34
4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Софи Кинселла

Шопоголик и брачные узы

Sophie Kinsella
SHOPAHOLIC TIES THE KNOT
Copyright © 2002 by Sophie Kinsella

© Селиверстова Д., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

*Посвящается Абигаиль, которая в порыве озарения нашла
гениальное решение*

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

Миз Ребекке Блумвуд
Одиннадцатая Вест-стрит, 251,
апартаменты Б
Нью-Йорк

7 ноября 2001 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Новый совместный счет №: 5039 2566 2319

Мы рады подтвердить Ваш новый объединенный банковский счет с мистером Люком Дж. Бренденом и прилагаем необходимые документы. Приходная карточка будет выслана в отдельном конверте.

Мы, сотрудники Второго объединенного банка, гордимся индивидуальным подходом к каждому клиенту. Пожалуйста, свяжитесь со мной лично, если у Вас возникнут какие-либо вопросы, и я окажу любую посильную помощь. Даже самые незначительные проблемы мы не оставим без внимания.

*С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
Уолт Питман,
начальник отдела по работе с клиентами.*

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

12 декабря 2001 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Благодарю за Ваше письмо от 9 декабря касательно Вашего совместного счета с мистером Люком Дж. Бренденом. Я согласен, что отношения между банком и клиентом должны носить дружеский характер и способствовать взаимному сотрудничеству, и, отвечая на Ваш вопрос, сообщаю, что мой любимый цвет – красный.

Я сожалею, однако, что не могу переименовать статьи Ваших расходов, как Вы предлагаете. В следующем уведомлении этот пункт будет озаглавлен «Прада», Нью-Йорк», а не «Счет за газ».

*Искренне Ваш
Уолт Питман,
начальник отдела по работе с клиентами.*

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

Миз Ребекке Блумвуд
Одиннадцатая Вест-стрит, 251,
апартаменты Б
Нью-Йорк

7 января 2002 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Спасибо за Ваше письмо от 4 января касательно Вашего совместного счета с мистером Люком Дж. Бренденом и за шоколадки, которые я вынужден вернуть. Я согласен, что вести учет всем купленным мелочам очень трудно. Я был весьма опечален, узнав о «странном маленьком недопонимании», возникшем между Вами и мистером Бренденом.

К сожалению, не представляется возможным разбить уведомление о выплатах, как Вы предлагаете, на две половины и послать одну Вам, а другую – мистеру Брендону, оставив это «нашим маленьким секретом». Все доходы и издержки являются общими. Потому это и называется совместным счетом.

Искренне Ваш

Уолт Питман,

начальник отдела по работе с клиентами.

1

Порядок. Без паники. Я могу это сделать. Это определенно возможно. Всего-то дел – слегка подвинуться влево, поднапрячься, подтолкнуть посильнее... Ну же, давай! Каково это, по-вашему, – запихивать в нью-йоркское такси бар для коктейлей?

Я покрепче обхватываю полированное дерево, глубокий вдох – и еще один бесплодный рывок. В Гринич-Виллидж стоит безоблачный зимний день – один из тех, когда воздух густотой напоминает зубную пасту, то и дело перехватывает дыхание, а люди ходят в шарфах как в намордниках. Но я вся в поту. Физиономия покраснелась, волосы выбились из-под новенькой казацкой шапки и падают на глаза; готова спорить – с той стороны улицы публика, рассеявшаяся у окошек кафе «Джо-Джо», от души наслаждается бесплатным шоу.

Но сдаваться я не собираюсь. Уверена, у меня все получится.

Должно получиться – не выкладывать же несусветную сумму за доставку, если я живу тут рядышком, за углом.

– Не пройдет, – с убежденным видом заявляет таксист, выглянув из окошка.

– Пройдет! Я уже засунула две ножки...

Еще один отчаянный толчок. Пропихнуть бы оставшиеся две, хоть *как-нибудь*... Это все равно что волочь пса к ветеринару.

– И к тому же я не застрахован, – добавляет таксист.

– Неважно! Здесь ехать-то две улицы. Я буду держать это всю дорогу. Все будет прекрасно!

Таксист вскидывает бровь и ковыряет во рту грязной зубочисткой.

– И вы полагаете, что поместитесь сюда вместе с этой хренью?

– Втиснусь! Как-нибудь справлюсь! – В отчаянии я снова пихаю бар, и он сплющивает переднее сиденье.

– Эй! Повредите мою машину – будете платить.

– Извините, – хриплю я, – сейчас попробую по-другому, наверное, я выбрала неправильный угол...

Я как можно осторожней вытаскиваю свое сокровище из такси обратно на тротуар.

– Кстати, а что это за чертовщина такая?

– Это бар для коктейлей 1930 года! Смотрите, верх опускается... – Я отмыкаю переднюю створку и с гордостью демонстрирую зеркальную отделку. – Вот сюда ставят стаканы... А это набор из двух шейкеров...

Я с восхищением провожу рукой по своему приобретению. Как только я увидела бар в витрине «Артурз Антикс», мне стало ясно, что я должна его заполучить. Конечно, я помню наш с Люком маленький уговор: больше никакой мебели для нашей квартиры, но ведь антиквариат – совсем другое дело! Настоящий бар для коктейлей, совсем как в фильмах Фреда Астера и Джинджер Роджерс! Он полностью преобразит наши вечера. Теперь мы с Люком будем смешивать мартини, танцевать под ретропесенки и любоваться закатом! Это создаст такую атмосферу! Придется купить старинный проигрыватель с граммофонной трубой, мы начнем коллекционировать пластинки на семьдесят восемь оборотов, а я буду носить шикарные платья.

И может быть, к нам на коктейли начнут заходить гости. Наши суаре прославятся. В «Нью-Йорк таймс» напишут о нас статью! Да! «Час коктейля был возрожден в элегантной манере в Вест-Виллидж. Стильная британская пара – Ребекка Блумвуд и Люк Брендон...»

Дверца такси с шумом распаивается, и, подняв голову, я, к некоторому своему изумлению, вижу, что шофер вылезает наружу.

– О, спасибо! – восклицаю я с признательностью. – Если вы чуть-чуть поможете, я справлюсь. Нет ли у вас веревки? Мы привяжем его к крыше...

– Никаких крыш. Никаких поездок. – Таксист с грохотом захлопывает дверцу со стороны пассажирского сиденья, и я с ужасом смотрю, как он усаживается за руль.

– Вы не можете просто так взять и уехать! Есть закон! Вы должны меня взять. Это распоряжение мэра!

– Насчет баров для коктейлей мэр не распоряжался. – Таксист закатывает глаза и заводит двигатель.

– Но как же я отвезу это домой?! – в негодовании кричу я. – Подождите! *Вернитесь!*

Но такси уже мчится прочь по улице, а я торчу посреди тротуара, цепляясь за бар для коктейлей и ломая голову, как теперь быть.

Правильно. Ищи другой выход. Может, донести его до дома? Здесь недалеко.

Я раскидываю руки пошире и ухватываю-таки бар с обеих сторон. Медленно отрываю от земли... шаг вперед... и бар тотчас бухается на землю. Черт, ну и тяжесть. Кажется, я потянула мышцу.

Ладно, поднять его мне не по силам. Но все равно дотащить бар до нашего дома проще простого. Надо лишь переставить пару ножек вперед на несколько дюймов... А потом следующую пару...

Да! Это идея. Скорость, конечно, черепашья, но если набраться терпения... И войти в ритм...

Левую сторону... Правую...

Главное – не задумываться, как долго я буду колупаться, а просто продвигаться потихоньку. Домой я, правда, опоздаю.

Две девчонки-школьницы в теплых пальто, хихикая, проходят мимо, но я слишком занята, чтобы на них реагировать.

Левую сторону... Правую...

– Извините, – раздается резкий голос, – не могли бы вы не перегораживать тротуар?

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что на меня надвигается женщина в бейсболке, и на поводках у нее с десяток псин всевозможных мастей и размеров.

Чего я никогда не могла понять – так это почему люди не хотят *сами* выгуливать собственных собак? Не любишь гулять – заводи кошку. Или аквариум с тропическими рыбками.

И вот теперь эти собаченции прут прямо на меня. Тявкают, гавкают, дергают поводки и... поверить не могу! Пудель задирает лапу прямо на мой прекрасный бар для коктейлей!

– Прекрати! – ору я. – Уберите эту собаку!

– Пойдем, Фло, – обращается женщина к собаке, испепеляет меня ненавидящим взглядом и тащит своих шавок прочь.

Безнадежно. Только полюбуйте, как далеко я продвинулась. Не добралась и до конца витрины «Артурз Антикс», а сил уже никаких.

– Итак, – сухо произносят у меня за спиной, – может, вы все-таки предпочтете доставку?

Обернувшись, я вижу Артура Грэма, владельца «Артурз Антикс», – он стоит, прислонившись к косяку, в дверях своего магазина, весь такой опрятный, в пиджаке и при галстуке.

– Не уверена. – Я приваливаюсь к бару, стараясь изобразить беззаботность. Как будто у меня есть другие варианты, кроме как торчать столбом посреди тротуара. – Возможно.

– Семьдесят пять долларов, любое место на Манхэттене.

А на фига мне любое место на Манхэттене? Я же тут, за углом живу!

Артур одаривает меня улыбкой, исполненной непреклонности. Знает, гад, что выиграл.

– Ладно. – Я признаю себя побежденной. – Пожалуй, идея неплохая.

Я слежу, как Артур подзывает типчика в джинсах – тот приближается и с раздраженным видом поднимает бар так, словно он из бумаги, – а потом отправляюсь следом за ними в теплый, забитый всевозможным старинным барахлом магазин. Невольно глазею по сторонам, хотя была здесь всего минут десять назад. *Обожая* это местечко. Куда ни повернись – повсюду классные штучки, которые так и тянет купить. Вон тот резной стул, например, или это расшитое вручную бархатное покрывало... И вы только взгляните на эти изумительные дедушкины часы! Каждый день здесь появляется что-нибудь новенькое.

Не то чтобы я хожу сюда каждый день.

Просто... сами понимаете. Присматриваюсь.

– Вы сделали превосходную покупку, – говорит Артур, глядя на мой бар. – У вас наметанный глаз. – Он улыбается и пишет что-то на квитанции.

– Я в этом не слишком уверена, – отвечаю я и скромно пожимаю плечами.

Хотя подозреваю, что именно так дело и обстоит: глаз у меня и вправду наметанный. Каждое воскресенье мы с мамой смотрели по телевизору «Антикварные гастроли»¹, так что, вероятно, какие-то навыки у меня выработались.

– Прекрасная вещь, – замечаю я с видом знатока, кивая на большое зеркало в золоченой раме.

– Да, – отзывается Артур. – Хоть и современная...

– Само собой, – торопливо говорю я.

Разумеется, я вижу, что эта штука современная. Просто прекрасная вещь... *с учетом того, что она современная.*

Артур поднимает на меня глаза.

– Посуда для бара вас не интересует? Высокие бокалы... сифоны... У нас бывают очень оригинальные.

– О да-а-а! – Я широко улыбаюсь. – Конечно!

Высокие бокалы тридцатых годов! Сами подумайте – кому захочется пить из современных дрянных стаканов, когда есть антиквариат?

Артур открывает свою большую книгу в кожаном переплете, надпись на котором гласит: «Коллекционеры», и я преисполняюсь гордостью. Я – коллекционер! Круто, правда?

– Мисс Ребекка Блумвуд... Принадлежности для бара тридцатых годов. Ваш номер у нас есть, так что, как только что-то появится, я позвоню. – Артур пробегает глазами по странице. – Вас, я вижу, еще интересовали вазы венецианского стекла?

– Ой! Да, конечно...

Я и забыла про коллекционирование венецианских vaz. Честно говоря, не помню, куда и первую-то подвала.

– А также карманные часы девятнадцатого века... – Его палец скользит по строчкам. – Формочки для желе... Подушечки для иголок... – Артур поднимает голову. – Все эти вещи до сих пор актуальны?

– Ну... Пожалуй, карманные часы мне уже не *так* нужны. И формочки тоже.

– Понятно. А викторианские десертные ложечки?

Десертные ложечки? На кой черт мне понадобилась груда старых десертных ложек?

– Знаете что, – задумчиво произношу я, – скорее всего, я остановлюсь только на принадлежностях для бара тридцатых годов. Соберу по-настоящему хорошую коллекцию.

– По-моему, это мудро. – Артур улыбается мне и принимается вычеркивать строки из списка. – Увидимся.

---

¹ Популярная программа на Би-би-си, в которой антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы, картины и т. п. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Я выхожу из магазина, и улица встречает меня обжигающим холодом, в воздухе кружат редкие снежинки. Меня переполняет чувство глубочайшего удовлетворения. Ведь это фантастическое капиталовложение. Настоящий бар для коктейлей тридцатых годов – а скоро я подберу еще и коллекцию посуды к нему! Меня распирает от гордости.

Кстати, а зачем я выходила из дома?

Ах да. За двумя стаканчиками капучино.

Уже год мы живем вдвоем в Нью-Йорке, на Одиннадцатой Вест-стрит, в зеленом, по-настоящему красивом районе со свежим воздухом. Все дома здесь с причудливыми балконами, а вдоль тротуаров высажены деревья. Прямо напротив нас кто-то постоянно наигрывает джазовые мелодии на пианино, и летними вечерами мы взбираемся на плоскую крышу, которую делим с соседями, разваливаемся на подушках, потягиваем вино и слушаем музыку (по крайней мере, однажды мы так делали).

Ввалившись в дом, я обнаруживаю в холле стопку корреспонденции, которую тотчас просматриваю.

Скука...

Скука...

Британский «Вог»! Ха!

Скука...

Ой. Мой счет из «Сакс» на Пятой авеню.

С минуту я пялюсь на конверт, а потом отправляю его в сумку. Это вовсе не означает, что я его спрятала. Просто Люку совершенно незачем его видеть. Я недавно прочитала статью «Не слишком ли много информации?» в одном очень хорошем журнале, и там говорилось, что надо отсеивать некоторые из происшедших за день событий, а не забивать утомленный разум друга или подруги всякими пустяками. Там было сказано, что дом – это убежище, и никто совсем не обязан знать *все*. С этим нельзя не согласиться.

Так что в последнее время я отсеиваю очень многое. Разные скучные, обиденные мелочи... к примеру, вроде счетов или стоимости новой пары туфель... И знаете что? Теория, по-видимому, абсолютно правильная: она буквально изменила наши отношения.

Сую оставшуюся почту под мышку и топаю вверх по лестнице. Писем из Англии нет, но сегодня я их и не ждала. Потому что сегодня... угадайте, что?! Мы летим домой! На свадьбу моей лучшей подруги Сьюзи! Дождаться не могу.

Сьюзи выходит замуж за Таркина – действительно славного парня, которого она знает всю жизнь. (Вообще-то он ее кузен. Но это законно. Они выясняли.) Свадьбу собираются праздновать в Гэмпшире, в доме родителей Сьюзи, – море шампанского, и лошадь, и экипаж... А самое главное – я буду подружкой невесты!

При этой мысли у меня ноет под ложечкой. *Как* я этого жду... Не только того, что стану подружкой невесты, но и того, что увижу Сьюзи, родителей, свой дом. Вчера до меня дошло, что я уже полгода не была в Британии, – это же целая вечность. И я пропустила, как папу выбрали капитаном гольф-клуба, а ведь это была цель всей его жизни. А скандал, когда Шиобан украла в церкви деньги и удрала на Кипр! А самое главное – я не присутствовала на помолвке Сьюзи, пускай даже она и примчалась в Нью-Йорк две недели спустя и показала мне кольцо.

Не подумайте, что я жалуясь, – ведь мне здесь по-настоящему хорошо. Моя работа у «Берниз» просто превосходная, и жизнь в Вест-Виллидж замечательная. Обожаю бродить по маленьким улочкам, покупать пирожки к чаю в пекарне «Магнолия» субботним утром, а возвращаться через рынок. Вообще мне нравится все, что у меня есть здесь, в Нью-Йорке. Кроме мамочки Люка, пожалуй.

И все же. Дом есть дом.

Из-за двери нашей квартиры доносятся звуки музыки, и сердце замирает от предвкушения. Это же трудится Дэнни! Может, он уже закончил! Мое платье готово!

Дэнни Ковитц живет этажом выше, в квартире своего брата; с тех пор как я поселилась в Нью-Йорке, он стал моим лучшим другом. Дэнни великолепный, несомненно талантливый дизайнер – но пока еще он не добился громкого успеха.

Честно говоря, он вообще никакого успеха не добился. Минуло пять лет с того дня, как Дэнни закончил школу модельеров, – и до сих пор дожидается своего шанса. Но, как он говорит, стать известным модельером потруднее, чем звездой экрана. Если не знаешь нужными людьми и никто из экс-битлов не ходит у тебя в папашах – забудь об успехе. Я всегда переживала за Дэнни: уж кто-кто, а он успех заслужил. И, как только Сьюз предложила мне быть подружкой невесты, я обратилась к Дэнни с просьбой сшить для меня платье. Вся соль в том, что на свадьбу Сьюз явится целая толпа богачей и знаменитостей. Глядишь, меня заметят и начнут наперебой спрашивать, кто мой портной, имя Дэнни будет переходить из уст в уста – и карьера ему, считай, обеспечена!

Мне не терпится увидеть, что же он сотворил. наброски, которые Дэнни показывал мне, были изумительны – а платье, сшитое на заказ, конечно, отличается куда более тщательной отделкой, чем то, что продается уже готовым. Корсет, например, будет с костяными пластинами, украшенный ручной вышивкой. И еще Дэнни предложил маленький бантик с блестками – правда, необычно?

Единственное, что меня немного – совсем чуть-чуть – беспокоит, это что до свадьбы всего два дня, а платье я до сих пор не примерила. И даже не видела. Этим утром я названивала Дэнни в дверь – напомнить, что уезжаю сегодня в Англию, и когда он наконец доплелся до порога, то пообещал закончить все к обеду. Сказал, что у него манера такая – замысел должен дозревать до самой последней минуты, – и тогда происходит всплеск адреналина и вдохновения, и он начинает работать с необыкновенной быстротой. Он всегда только так и работает, заверил Дэнни, и ни разу еще не пропустил назначенный срок.

Я открываю дверь с беззаботным «Привет!». Ответа нет, и я заглядываю в комнату, служащую нам сразу для многих целей. По радио надрывается Мадонна, в телевизоре гремит MTV, а механическая собачка – последнее приобретение Дэнни – пытается вскарабкаться на диван.

А Дэнни, окутанный облачком золотого шелка, спит беспробудным сном, пристроив голову на швейной машинке.

– Дэнни! – в ужасе кричу я. – Эй! Просыпайся!

Дэнни подскакивает как ужаленный и принимается тереть свою худую физиономию. Кучерявые лохмы торчат во все стороны, а светло-голубые глаза налиты кровью еще сильнее, чем поутру, когда мы с ним виделись. На костлявом торсе болтается поношенная серая майка, тощую коленку, выпирающую из дыры в джинсах, украшает ссадина – Дэнни заработал ее, катаясь в эти выходные на роликах. Сейчас Дэнни смахивает на десятилетнего подростка, заросшего щетиной.

– Бекки! – блеет он. – Привет! Ты что тут делаешь?

– Это моя квартира. Вспомнил? Ты работаешь здесь, потому что у тебя пробки выбило.

– А, да... – Дэнни обводит комнату затуманенным взглядом. – Точно.

– Ты в порядке? – Я с тревогой всматриваюсь в его лицо. – А то у меня кофе есть.

Я приношу чашку, и Дэнни делает два глубоких глотка. Потом его взгляд сосредотачивается на пачке корреспонденции у меня в руках, и только тут он начинает просыпаться по-настоящему.

– Эй, это что, британский «Вог»?

– Э-э... да. – Я кладу журнал так, чтобы Дэнни было сложно до него дотянуться. – Так что с платьем?

– Все классно! Под полным контролем.

– Можно его примерить?

Пауза. Дэнни пялится на лежащую перед ним гору золотого шелка, будто видит ее впервые в жизни.

– Нет, еще нет, – выдавливает он наконец.

– Но оно будет готово вовремя?

– Конечно! На все сто! – Дэнни ставит ногу на педаль, и машинка начинает деловито жужжать. – Бекки, – кричит он, перекрывая шум, – стакан воды сейчас был бы в самый раз!

– Сию минуту.

Я кидаюсь на кухню, поворачиваю кран и жду, когда пойдет холодная вода. Система водоснабжения в этом здании весьма эксцентричная, и мы вечно капаем на мозги нашей домовладелице, миссис Уоттс, что с водой надо бы разобраться. Но миссис Уоттс проживает за много миль отсюда, во Флориде, и ее проблемы водопровода не слишком волнуют. Однако в остальных отношениях это местечко на самом деле чудесное. По нью-йоркским меркам квартира у нас просто огромная, с паркетными полами, камином и окнами от пола и до самого потолка.

(Конечно, когда приезжали мама с папой, на них это впечатления не произвело. Во-первых, они не могли понять, почему мы не живем в отдельном доме. Во-вторых, они все удивлялись, на что годится такая маленькая кухня. Наконец они заявили, что это просто стыд – до сих пор не обзавестись собственным садом. Разве я не знаю, что наш сосед Том переехал в дом с участком в четверть акра? Кроме шуток. Вообразите участок в четверть акра в Нью-Йорке – на нем кто-нибудь тотчас отгрохает десяток офисных кварталов.)

– Хорошо! Так как... – Я вхожу обратно в комнату – и осекаюсь на полуслове. Швейная машинка бездействует, а Дэнни сидит и почитывает мой «Вог». – Дэнни! – вырывается у меня вопль. – Что с моим платьем?

– Ты это видела? – Дэнни тычет пальцем в страницу. – «Коллекция Хэмиша Фаргла продемонстрировала его чутье и живость ума», – громко читает он. – Я вас умоляю! У него талант на нуле. На нуле! Знаешь, мы с ним в школе учились. Слизал у меня одну идейку... – Дэнни смотрит на меня, и глаза у него сужаются. – В «Берниз» есть его тряпье?

– Э-э... не знаю, – вру я.

Дэнни одержим идеей поставлять свои шедевры в «Берниз». Это единственное, о чем он мечтает. А поскольку я там работаю, он втемяшил себе в голову, что я могу организовать для него встречу с главным менеджером магазина.

Собственно, я и организовала. В первый раз Дэнни опоздал на неделю, и менеджерша по закупкам умотала в Милан. Во второй раз Дэнни пришел и показал жакет. Как только менеджерша натянула жакетку на себя, отлетели все пуговицы.

И о чем я думала, когда попросила его сшить для меня платье?

– Дэнни, ты мне просто скажи. Мое платье будет готово?

Молчание длится долго.

– А его обязательно нужно закончить сегодня? – спрашивает наконец Дэнни. – Что, непременно *сегодня*?

– Я должна быть в самолете через шесть часов! – Мой голос превращается в писк. – И мне надо идти по проходу между скамьями в церкви меньше чем через... – Да что толку уточнять. – Ладно, не переживай. Надену что-нибудь другое.

– Что-нибудь другое? – Дэнни откладывает «Вог» и тупо тарашится на меня. – Что значит – «другое»?

– Ну...

– Ты меня *увольняешь*? – Дэнни смотрит на меня такими глазами, будто я объявила, что настал конец нашему десятилетнему супружеству. – Только потому, что я самую малость выбился из графика?

– Я тебя не увольняю! Но сам посуди: не могу же я быть подружкой невесты без платья!

– Но что ты тогда наденешь?

– Ну... – Я в смущении стискиваю пальцы. – У меня про запас было одно платьице...

Язык не поворачивается сказать, что их вообще-то три. И два отложены в «Берниз».

– От кого?

– От Донны Каран, – виновато говорю я.

– От Донны Каран? – Голос Дэнни дрожит от такого предательства. – Ты предпочла мне Донну Каран?

– Конечно, нет! Но платье, по крайней мере, готово, и все швы на месте...

– Надень мое!

– Дэнни...

– Надень мое платье! Пожалуйста! – Дэнни бросается на пол и ползет ко мне на коленях. – Оно будет готово! Я стану работать день и ночь напролет!

– У нас *нет* ни дня, ни ночи. У нас осталось... часа три.

– Тогда я буду работать все три часа. Я сделаю это!

– За три часа сделаешь из отреза вышитый корсет с костяными пластинами? – недоверчиво спрашиваю я.

Вид у Дэнни смущенный.

– Гм... Можно по-новому пересмотреть модель...

– Каким образом?

Некоторое время Дэнни в задумчивости постукивает пальцами, а потом вскидывает голову.

– У тебя есть простая белая футболка?

– *Футболка*? – Я не могу скрыть паники.

– Это будет грандиозно. Я обещаю. – Слышится шум подъезжающего грузовика, и Дэнни выглядывает в окно. – Эй, ты что, еще антиквариата прикупила?

Час спустя я разглядываю себя в зеркало. На мне пышная юбка из золотого шелка, а сверху – белая футболка, которую теперь никто бы не узнал. Дэнни отпорол рукава, вышил узор, пристрочил кайму, заложил складки там, где их не было прежде, – и футболка преобразилась в самый фантастический топ, который я когда-либо в жизни видела.

– Я без ума от этого платья! – Я, сияя, смотрю на Дэнни. – Просто без ума! Я буду самой потрясающей подружкой невесты в мире!

– Неплохо, да? – Дэнни с небрежным видом пожимает плечами, но я-то понимаю, как он горд собой.

Я одним глотком допиваю свой коктейль.

– Восхитительно. Еще по одному?

– А что в нем было?

– Ну... – я окидываю взглядом бутылки, выстроившиеся в баре, – точно не знаю.

На то, чтобы поднять бар по лестнице и втащить его в квартиру, ушло немало времени. Честно говоря, бар оказался несколько больше, чем мне запомнилось, и я не была уверена, что он втиснется в маленький альков за диваном, как я планировала. Но смотрится бар просто сказочно! Он гордо красуется посреди комнаты, и мы уже пустили его в дело. Как только бар доставили, Дэнни поднялся к себе и совершил налет на буфет своего брата Рэндала, а я собрала у себя на кухне всю выпивку, которую смогла отыскать. Мы выпили по «Маргарите»,

по «Отвертке» и по коктейлю моего собственного изобретения, под названием «Блумвуд», – из водки, апельсинового сока и горошин «М&М», которые надо вычерпывать ложечкой.

– Дай-ка мне топ. Немного ушью плечо.

Я стаскиваю топ, протягиваю его Дэнни и беру джемпер, не утруждая себя ужимками скромницы. Это же Дэнни. Он продевает нитку в иголку и начинает умело присобирать материю у ворота.

– Стало быть, это твои странные кузенобрачующиеся друзья, – произносит он. – Так что они из себя представляют?

– Ничего они не странные. – Я колеблюсь мгновение. – Ну, Таркин немного странно-ватый. Но Сьюзи – ничуть. Она моя лучшая подруга.

Дэнни вскидывает бровь.

– И что, они не могли найти для этого дела никого другого, кроме как собственного родственника? Типа «Так, мама уже занята... сестра – слишком жирная... собака... м-м, нет, шерсть не в моем вкусе...»

– Прекрати! – Я не могу удержаться от смеха. – Просто они вдруг поняли, что созданы друг для друга.

– Прямо «Когда Гарри встретил Салли». – И Дэнни декламирует, подражая голосу за кадром: – Они были друзьями. Они появились из одной пробирки.

– Дэнни...

– Ладно. – Он унимается и перерезает нитку. – А как у вас с Люком?

– Что у нас с Люком?

– Пожениться не надумали?

– Не знаю... – К щекам приливает краска. – Вообще-то мне такая мысль и в голову не приходила...

Святая правда.

Ну ладно. *Не совсем* правда. Может, мысль такая и приходила мне в голову – но по довольно своеобразным поводам. Скажем, когда я пару раз заглядывала в «Бекки Брендон»² – просто посмотреть, что там такое. И разок-другой пролистала журнал «Свадьбы». Из самого обычного любопытства.

А может, такая мысль посещала меня еще и потому, что Сьюзи выходит замуж – а ведь они с Таркином вместе гораздо меньше, чем мы с Люком.

Но знаете что? Не так уж это и важно. Свадьбы – это не по мне. И если бы Люк сделал мне предложение, я бы наверняка ответила – «нет».

Хотя... Ладно уж. Я, наверное, ответила бы – «да».

Но все дело в том, что этого не произойдет. Люк не женится «еще очень-очень долго, если вообще когда-нибудь женится». Он сказал так в интервью «Телеграф» три года тому назад – я нашла статью в папке с газетными вырезками (я там вовсе не шарила. Просто искала... резинку). Интервью касалось в основном работы Люка, но спрашивали и о личной жизни, и подпись под фотографией гласила: «Брендон: женитьба – в последнюю очередь».

По мне – так просто замечательно. У меня этот вопрос тоже – в последнюю очередь.

Пока Дэнни заканчивает платье, я занимаюсь хозяйством: вываливаю грязные тарелки в раковину, оставив их мокнуть, тру губкой пятно на кухонном столе и расставляю по цвету баночки со специями. До чего приятная работа. Почти как в прежние времена – раскладывать фломастеры.

---

² Известный магазин свадебных туалетов.

– Так вам, ребята, трудно живется вместе? – Стоя в дверях, Дэнни следит за моими манипуляциями.

– Нет. – Я бросаю на него удивленный взгляд. – Почему?

– Моя подружка Кирсти попробовала жить со своим парнем. Сущее бедствие. Они только и делали, что цапались. Она сказала, что не представляет, как это другим удается.

Пристраивая тмин рядом с верблюжьей кожей (*это еще что такое?*), я преисполняюсь гордостью. Ведь с тех пор как мы с Люком поселились вместе, у нас почти не возникало проблем. Пожалуй, кроме того случая, когда я переокрасила ванную, и золотая краска с блестками перепачкала его новый костюм. Но это не в счет, потому что Люк сам потом признал, что погорячился и любой, у кого с головой в порядке, заметил бы, что краска свежая.

Если подумать – был еще маленький, пустяковый спор из-за того, сколько я покупаю. Кажется, Люк тогда открыл дверцу гардероба и раздраженно спросил: «*И когда ты собираешься все это носить?*»

И еще, наверное, то небольшое препира... откровенное обсуждение, сколько часов Люк уделяет работе. Он управляет собственной компанией по связям с общественностью, «Брендон Комьюникейшнс», с отделениями в Лондоне и в Нью-Йорке, и эта компания отнимает все его время. Люк любит свою работу, и, помнится, пару раз я обвинила его в том, что ее он любит больше, чем меня.

Но в целом мы – взрослая, готовая к компромиссам пара, способная разобраться во всех вопросах. Недавно мы отправились на ланч и обстоятельно поговорили; я от души пообещала, что постараюсь поменьше покупать, а Люк от души пообещал, что постарается поменьше работать. Потом Люк вернулся в контору, а я отправилась в супермаркет за продуктами к ужину (и наткнулась там на изумительное оливковое масло с давленными красными апельсинами – теперь просто *необходимо* отыскать хоть какой-нибудь рецепт).

– Искусство жить вместе требует усилий, – изрекаю я. – Надо уметь идти на уступки. Надо не только брать, но и давать.

– В самом деле?

– О да. Мы с Люком делим наши средства и повседневные обязанности... Это как командная игра. Главное – не настраиваться, что все будет как прежде. Надо *приспосабливаться*.

– Да ты что? – Дэнни, кажется, заинтересовался. – И кто, по-твоему, приспосабливается больше? Ты или Люк?

Я на мгновение задумываюсь и наконец произношу:

– Трудно сказать... Думаю, мы оба поровну.

– Ну а... все это, – Дэнни взмахом руки указывает на загроможденную комнату, – это по большей части твое или его?

– Гм... – Я обвожу взглядом все мои ароматерапевтические свечи, кружевные подушки, стопки журналов. На мгновение в памяти всплывает девственно чистая, спартанская лондонская квартира Люка. – Пожалуй, обоих понемножку.

В каком-то смысле это правда. Ведь в спальне есть ноутбук Люка.

– Главное – что между нами никаких трений, – продолжаю я. – Мы мыслим одинаково. Мы – как единое целое.

– Круто, – замечает Дэнни, выудив яблоко из вазы для фруктов. – Повезло вам.

– Знаю. У нас с Люком все как по нотам, – доверительно делюсь я. – И иногда между нами возникает почти что... мистическая связь.

– Правда? – Дэнни таращит глаза. – Ты серьезно?

– Да. Я всегда знаю, что он хочет сказать, а еще как бы *чувствую* его присутствие...

– Так ты что-то навроде экстрасенса?

– Наверное. – Я небрежно пожимаю плечами. – Это как дар. Я в это особенно не вдумываюсь...

– Приветствую, Оби ван Кеноби³, – произносит глубокий голос у нас за спиной, и мы с Дэнни едва не выскакиваем из собственных шкур.

Я разворачиваюсь – и вот он, Люк, стоит в дверях с довольной ухмылкой. Лицо покраснело от холода, в темных волосах блестят снежинки. Он так высок, что комната вдруг начинает казаться немного меньше.

– Люк! – вскрикиваю я. – Ты нас напугал.

– Извини, – говорит он. – Я решил, что ты почувствуешь мое присутствие.

– Что-то такое я и почувствовала, – отвечаю я с оттенком вызова в голосе.

– Конечно, почувствовала. – Люк целует меня. – Привет, Дэнни.

– Привет, – откликается Дэнни, глядя, как Люк уверенными движениями снимает свое темно-синее кашемировое пальто, расстегивает манжеты и развязывает галстук.

Однажды, когда мы крепко выпили, Дэнни спросил меня:

– Люк и любовью занимается так же, будто открывает бутылку шампанского?

Я, конечно, тогда врезала Дэнни, заявив, что это не его дело, и все же я поняла, что он имеет в виду. Люк никогда не возится, не колеблется, не теряется. Он всегда точно знает, чего хочет, и неизменно это получает – нового клиента для своей компании или что-нибудь в постели, и все с такой легкостью, с какой он откупоривает шампанское.

Ладно. Проехали. Скажем так: с тех пор как мы с Люком вместе, мои горизонты значительно расширились.

Люк просматривает почту.

– Так как дела, Дэнни?

– Спасибо, хорошо. – Дэнни кусает яблоко. – А как поживает мир крупных финансов? Моего брата сегодня не видел?

Рэндал, брат Дэнни, работает в финансовой компании, и они с Люком пару раз обедали вместе.

– Сегодня не видел, – отвечает Люк.

– Ну, когда увидишь, спроси, не прибавил ли он, часом, в весе. Как бы между прочим. Просто скажи: «Эй, да ты, никак, поправился». И брось что-нибудь вскользь насчет осмотренности в выборе десертов. У него паранойя развилась на почве ожирения. Со смеху лопнуть можно.

– Братская любовь, – ухмыляется Люк, – разве она не прекрасна?

Перебрав всю почту, Люк слегка хмурит лоб и поворачивается ко мне:

– Бекки, уведомление о состоянии нашего счета еще не приходило?

– А-а... Нет. Еще нет. – Я подбадривающе улыбаюсь. – Думаю, завтра придет!

Это не совсем правда. Уведомление из банка пришло еще вчера, но я запихала его в ящик с бельем. Меня немного тревожат некоторые пункты, – может, мне удастся что-нибудь придумать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Ведь, говоря по правде, что бы я там ни пела Дэнни, с нашим совместным счетом не все так просто.

Не поймите меня неправильно, я всей душой за то, чтобы делить деньги. Ладно, признаюсь как на духу: мне нравится делить деньги Люка. Но мне совсем не нравится, когда Люк вдруг спрашивает: «А эти семьдесят долларов в “Блумингдейлз” – на что?» – а я не могу вспомнить.

Внезапно меня посещает гениальное озарение. Надо пролить что-нибудь на уведомление – так, чтобы Люк не смог его прочитать!

– Приму душ, – говорит Люк, откладывая почту.

---

³ Герой фильма Джорджа Лукаса «Звездные войны», молодой и талантливый джедай.

На пороге он вдруг останавливается. Очень медленно оборачивается – и его взгляд упирается в бар для коктейлей. Можно подумать, будто он ничего подобного раньше не видывал.

– Что это такое? – выдавливает Люк.

– Бар для коктейлей! – радостно сообщаю я.

– Откуда он взялся?

– Он... ну... Купила сегодня.

– Бекки... – Люк прикрывает глаза. – Я думал, мы договорились: больше никакого барахла!

– Это не барахло! Это подлинный шедевр тридцатых годов! Мы каждый вечер сможем готовить изумительные коктейли! – Что-то в выражении лица Люка действует мне на нервы, и я сбивчиво бормочу: – Послушай, я помню, что мы решили не покупать больше мебели. Но это же совсем другое. В смысле, если видишь такую уникальную вещь, ее надо хватать!

Смешавшись, я закусываю губу. Люк молча приближается к бару. Проводит рукой по крышке, потом берет шейкер... Челюсти его плотно сжаты.

– Люк, я ведь думала, что это будет так занятно! Думала, тебе понравится. Продавец в магазине сказал, что у меня наметанный глаз.

– Наметанный, – эхом отзывается Люк, словно отказываясь верить в происходящее.

И подбрасывает шейкер в воздух – я только ахнуть успеваю. С содроганием жду, как шейкер со звоном грохнется на деревянный пол... Но Люк ловко подхватывает его. Мы с Дэнни, разинув рты, следим, как он снова подкидывает шейкер, вертит его, перекачивает по руке.

Глазам не верю. Я живу с Томом Крузом!

– На летних каникулах я подрабатывал барменом, – сообщает Люк, расплываясь в улыбке.

– Научи меня, как это делается! – в возбуждении кричу я. – Я тоже так хочу!

– И я! – подхватывает Дэнни. Он берет другой шейкер, неуклюже переворачивает его и перебрасывает мне. Я пытаюсь поймать, но шейкер плюхается на диван. – Руки-крюки! – хихикает Дэнни. – Давай, Бекки, тренируйся – тебе букет на свадьбе ловить.

– Еще чего!

– Валяй! Хочется ведь быть следующей?

– Дэнни... – Я изображаю беззаботный смех.

– Вы двое определенно должны пожениться, – продолжает Дэнни, игнорируя мой выразительный взгляд, потом подбирает шейкер и принимается перекидывать его из одной руки в другую. – Это превосходно. Посмотрите на себя: живете вместе, убить друг дружку не порываетесь, и не родственники... Я бы сшил тебе *ослепительное* платье. – Внезапно посерьезнев, Дэнни ставит шейкер на место. – Слушай-ка, Бекки, пообещай, что если вы поженитесь, то платье тебе сошью я.

Плохо дело. Если он будет продолжать в том же духе, Люк решит, что я оказываю на него давление. И, чего доброго, подумает, что я специально подговорила Дэнни.

Надо спасти положение. Срочно.

– Вообще-то я замуж не хочу, – слышу я свой собственный голос. – По крайней мере, не в ближайшие лет десять.

– Серьезно? – Дэнни растерян. – Не хочешь?

– В самом деле? – Люк поднимает голову, на лице его какое-то странное выражение. – Я этого не знал.

– Разве? – откликаюсь я, стараясь говорить как можно небрежнее. – Ну, теперь знаешь!

– Почему ты не хочешь выходить замуж еще десять лет? – спрашивает Дэнни.

– Я... – На меня вдруг нападает кашель. – Как водится, очень многое хотелось бы сделать прежде. Например, заняться своей карьерой, и... исследовать свой потенциал, и... узнать саму себя, сформировать собственную личность.

Я умолкаю и с вызовом встречаю иронический взгляд Люка.

– Ясно, – кивает он. – Что ж, звучит разумно. – Он смотрит на шейкер у себя в руках и ставит его на место. – Пожалуй, пойду в душ.

Погодите. Он же *не должен* был со мной соглашаться.

2

Мы прибываем в Хитроу в семь утра на следующий день и садимся в арендованный автомобиль. Пока мы едем к дому родителей Сьюз в Гэмпшире, мои затуманенные глаза разглядывают заснеженный пейзаж, изгороди, поля и деревушки – так, словно я никогда не видела их раньше. После Манхэттена все кажется таким маленьким и... изящным. Впервые я понимаю, почему американцы всё в Англии считают «старомодным».

– Куда теперь? – спрашивает Люк на очередном перекрестке.

– Здесь точно налево. То есть... направо. Нет-нет, налево.

Пока машина ездит по кругу, я выуживаю из сумочки приглашение – проверить адрес.

*Сэр Гилберт и леди Клиф-Стюарт
будут рады видеть Вас...*

Словно загипнотизированная, я смотрю на крупные, с завитушками, буквы. Даже не верится, что Сьюзи и Таркин собрались пожениться.

То есть, конечно, я *верю*. Как-никак они уже год с лишним живут вместе, и Таркин фактически переехал в квартиру, которую я так долго делила со Сьюзи, – хотя, похоже, они все больше и больше времени проводят в Шотландии. Оба такие милые и непосредственные – все дружно сходятся на том, что они составят прекрасную пару.

Но порой, когда мысли о них застают меня врасплох, мой мозг вдруг издает вопль: «Че-его? Сьюзи и Таркин?»

Я привыкла думать о Таркине как о странном, немножко придурковатом кузене Сьюз. На протяжении многих лет он был просто нескладным парнем в допотопной куртке, да еще со склонностью распевать мелодии Вагнера в общественных местах. Таркин редко отваживался на вылазки из своего медвежьего угла – шотландского замка, а когда однажды все-таки отважился, то пригласил меня на худшее свидание в моей жизни (потом мы ни разу не говорили об этом).

А теперь он... Да, теперь он парень Сьюзи. Хотя все такой же нескладный и все так же предпочитает шерстяные джемперы, связанные его нянюшкой. Но Сьюзи любит его – и это единственное, что имеет значение.

Просто как «Кошечки»⁴.

Ой, нет, только не плакать. Надо взять себя в руки.

– Харборо-Холл, – читает Люк, притормаживая возле двух рассыпающихся каменных столбов. – Это оно?

– Гм. – Я шмыгаю носом и стараюсь изобразить деловой вид. – Да, оно. Заруливай прямо туда.

Мне не раз доводилось бывать у Сьюзи, но я и забыла, сколь впечатляющее зрелище являет собой ее дом. Мы едем по длинной широкой аллее, обсаженной деревьями, потом выруливаем на подъездную дорожку из гравия. Серый дом огромен, а колонны, увитые плющом, придают ему величественности.

– Прекрасный дом, – замечает Люк, когда мы идем к парадному входу. – Сколько ему лет?

– Не знаю, – рассеянно отзываюсь я. – Он уже многие годы принадлежит их семье. – Я тяну за шнурок дверного колокольчика в надежде, что механизм исправен, – но, увы, толку никакого. На грохот тяжелого дверного молотка тоже никто не отвечает, поэтому я просто толкаю дверь и вхожу в просторный холл, где у камина дремлет старый лабрадор.

⁴ До предела умильная мыльная опера на британском телевидении.

– Эй! – кричу я. – Сьюзи!

И тут только замечаю, что у камелька посапывает еще и отец Сьюзи, устроившийся в массивном кресле. Вообще-то отца Сьюзи я немного побаиваюсь. И мне совсем не улыбается его будить.

– Сьюз? – произношу я уже потише.

– Бекс! Я думала, мне послышалось!

Сьюз стоит на лестнице, облаченная в клетчатый халат; белокурые волосы рассыпались по плечам, она взволнованно улыбается.

– Сьюзи!

Я кидаюсь вверх по ступенькам и крепко обнимаю ее. Когда я наконец разжимаю объятия, глаза у нас обеих на мокром месте. Я и не представляла, как сильно по ней соскучилась!

– Пошли ко мне! – Сьюзи тянет меня за руку. – Пошли, посмотришь мое платье!

– Это и в самом деле такая прелесть? – волнуясь я. – На снимке оно выглядело изумительно.

– Само совершенство! И ты просто *должна* увидеть: у меня потрясающий корсет от Ригби и Пеллера... А эти умопомрачительные трусики...

Люк откашливается, и мы обе оборачиваемся.

– Ой! – смущается Сьюзи. – Извини, Люк. Кофе, газеты и все такое на кухне, это вон там, – она тычет на дверь. – Хочешь, угощайся беконом с яйцами! Миссис Гиринг для тебя все сделает.

– Похоже, миссис Гиринг в моем вкусе, – с улыбкой говорит Люк. – До скорого.

Комната Сьюзи светлая, просторная, окно выходит в сад. Я сказала «сад»? Вообще-то это настоящий парк – тысяч двенадцать акров. Безразмерные лужайки, раскинувшиеся за домом, тянутся до кедровой рощи и озера, в котором Сьюзи едва не утонула, когда ей было три года. А слева от дома разбит розарий – царство клумб, гравиевых дорожек и живых оград; именно там Таркин и предложил Сьюзи руку и сердце. (Кажется, он встал на одно колено, а когда поднялся, вся брючина у него была в грязи. Это *так* похоже на Таркина.) Справа от дома старый теннисный корт, а дальше, до самой ограды, отделяющей сад от церковного кладбища, растут сорняки. Выглянув из окна, я вижу, что позади дома разбит большой шатер, а за теннисным кортом по траве до самых церковных ворот змеится дорожка с навесом.

– Ты что, собираешься идти в церковь пешком? – Мне становится страшно за туфельки Сьюзи от Эммы Хоуп.

– Что ты, глупышка! Поеду в экипаже. Но гости пойдут обратно в дом, и их будут встречать официанты с подогретым виски.

– Вот это да! – шепчу я, глядя, как человек в джинсах забивает колышек в землю. Как тут не позавидовать! Вот бы и мне изумительно торжественную свадьбу с лошадьми, экипажами и радостной суматохой.

– Правда, замечательно получится? – Сьюзи лучится от счастья. – Все, бегу зубы чистить...

Она исчезает в ванной, а я направляюсь к ее туалетному столику, где к зеркалу прикреплена объявление о бракосочетании. Госпожа Сьюзан Клиф-Стюарт и господин Таркин Клиф-Стюарт... С ума сойти. Я и забыла, что моя подруга такая аристократка.

– Хочу титул, – объявляю я, когда Сьюзи возвращается в комнату с расческой в руке. – А то чувствую себя обездоленной. Как его получить?

– О-ой, не надо. – Сьюзи морщит нос. – Это такая чушь. К тебе будут обращаться в письмах «достопочтенная миледи».

– И все-таки. Это было бы круто. Кем бы мне заделаться?

– Ну... – Сьюзи теревит прядь волос, – леди Бекки Блумвуд?

– Звучит так, будто мне девяносто три года. А как насчет Бекки Блумвуд, кавалера ордена Британской империи пятой степени? Ведь получить пятую степень, кажется, довольно просто?

– Просто, да не очень, – доверительно сообщает Сьюзи. – Ее дают за заслуги в области промышленности или еще какой-то скучищи. Могу выдвинуть твою кандидатуру, если хочешь. А теперь давай, показывай свое платье!

– Сейчас! – Я взгромождаю чемодан на кровать, отмыкаю замки и бережно извлекаю творение Дэнни. – Что скажешь? – Я с гордостью прикладываю платье к себе и взмахиваю подолом из золотого шелка. – Потрясающе, правда?

– Фантастика! – Сьюзи смотрит на платье расширенными глазами. – В жизни не видела ничего подобного! – Она осторожно прикасается к вышивке на плече. – Откуда это? Из «Берниз»?

– А вот и нет, это от Дэнни. Помнишь, я тебе говорила, что он шьет мне платье?

– Точно... – Сьюзи морщит лоб. – Так, Дэнни – это который?

– Мой сосед сверху, – подсказываю я, – модельер. Мы с ним еще столкнулись на лестнице.

– Ах да... Вспомнила.

Но, судя по тону, если она и вспомнила, то смутно.

Не могу винить ее за это – Дэнни она видела каких-нибудь пару минут. Он как раз отправлялся навестить родителей в Коннектикут, а Сьюзи ковыляла по лестнице, горбачась под своим чемоданом, так что они толком и не разговаривали. И все же... Как странно – Сьюзи почти не знает Дэнни, а Дэнни не знает ее, и оба они так важны для меня. Словно у меня две жизни, и чем дольше я живу в Нью-Йорке, тем больше эти жизни расходятся.

– А вот мое! – с волнением шепчет Сьюзи.

Она распаивает гардероб, расстегивает ситцевый чехол – и я вижу платье ошеломляющей красоты, из зыбкого белого шелка и бархата, с длинными рукавами и шлейфом.

– О боже, Сьюзи... – У меня перехватывает дыхание. – Ты будешь такой красавицей! Я все еще поверить не могу, что ты выходишь замуж! «Миссис Клиф-Стюарт».

– Не называй ты меня так! – кривится Сьюзи. – Так обращаются к моей маме. Но вообще-то это очень удобно – выходить замуж за кого-нибудь из своей семьи, – добавляет она, закрывая гардероб, – потому что фамилия остается та же самая. Так что инициалы на моих рамках прежние – С. К-С. – Она заглядывает в картонную коробку и достает оттуда красивую стеклянную рамку, украшенную узорами из сухих листьев. – Смотри, это новая серия.

Сьюзи сделала карьеру, оформляя рамки для фотографий, которые продаются теперь по всей стране; а в прошлом году она взялась и за фотоальбомы, оберточную бумагу и подарочные коробки.

– Основной мотив – морская раковина, – с гордостью говорит Сьюзи. – Нравится?

– Как красиво! – Я вожу пальцем по завиткам. – Как тебе такое пришло в голову?

– Идею подсказал Тарки. Как-то мы гуляли, и он рассказывал, как в детстве собирал ракушки, говорил о разнообразии форм в природе... И тут меня осенило!

Я смотрю на ее лицо и вдруг представляю себе их с Таркином, в толстых свитерах, бредущих рука об руку по овеваемым ветрами пустошам.

– Сьюзи, как же ты будешь счастлива с Таркином! – вырывается у меня – и это от души.

– Ты так думаешь? – Сьюзи краснеет от удовольствия. – Правда?

– Точно! Достаточно только взглянуть на тебя. Ты же вся светишься.

И правда. Как я сама не заметила раньше – она ведь совсем не похожа на прежнюю Сьюзи. Все тот же изящный нос, высокие скулы – но лицо округлилось, стало как будто

мягче. И она все такая же тоненькая, но некоторая полнота... почти... Мой взгляд скользит по ее фигуре вниз – и останавливается.

Минуточку.

Нет. Конечно...

Нет.

– Сьюзи?

– Да?

– Сьюзи, ты... – Я сглатываю. – Ты не... беременна?

– Нет! – С негодованием восклицает Сьюзи. – Конечно, нет! Надо же такое придумать!

И с чего ты только... – Она встречается со мной глазами, умолкает и передергивает плечом. – Ну ладно, да. Как ты догадалась?

– Как догадалась? По твоему... То есть *видно*, что ты беременна.

– Вовсе нет! Никто больше не заметил!

– Наверняка заметили. Это же очевидно!

– Ничего не очевидно! – Сьюзи втягивает живот и смотрится в зеркало. – Ну как? А когда я затяну корсет...

Голова идет кругом. Сьюзи беременна!

– Так это секрет? Твои родители не знают?

– Нет! Никто не знает. Даже Тарки. – Сьюзи строит гримаску. – Это ведь несколько рановато – быть беременной в день свадьбы, да? Я-то хотела притвориться, что ребенок зачат во время медового месяца.

– Но тут же как минимум три месяца.

– Четыре. Ребенок родится в начале июня.

Я во все глаза смотрю на нее.

– И каким образом ты собиралась притвориться? Относительно медового месяца?

– Ну... – Сьюзи с минуту раздумывает. – Это могли быть преждевременные роды.

– На четыре месяца?

– Да никто и считать не станет! Ты же знаешь, какие у меня родители рассеянные.

Что есть, то есть. Однажды они заехали за Сьюзи в пансион, чтобы забрать ее в конце семестра, что само по себе было замечательно, – только она к тому времени уже два года как закончила школу.

– А Таркин?

– А он наверняка понятия не имеет про сроки, – беззаботно отмахивается Сьюзи. – Он ведь овец разводит, а у овец беременность длится месяцев пять. Скажу ему, что у людей примерно так же. – Она снова берется за расческу. – Знаешь, я однажды сказала ему, что девушкам дважды в день нужно есть шоколад, иначе они упадут в обморок, – так он поверил!

По крайней мере в одном Сьюзи права. Когда она затягивает корсет, округлость совершенно незаметна. Утром в день свадьбы, когда мы вдвоем сидим за туалетным столиком и нервно улыбаемся друг другу, Сьюзи кажется гораздо *тоньше* меня – по-моему, вопиющая несправедливость.

Мы чудесно провели два дня, прогуливаясь, пересматривая по видео старые фильмы и поедая бесконечные «Кит-Кат». (Сьюзи теперь уплетает за двоих, а я восстанавливала силы после трансатлантического перелета.) Люк захватил с собой какие-то деловые бумаги и большую часть времени проторчал в библиотеке, но на этот раз я не бунтовала. Меня так радовала возможность побыть со Сьюзи. Я выслушала ее рассказ о квартире, которую они с Таркином купили в Лондоне, посмотрела фотографии великолепного отеля на Антигуа, где они собирались провести медовый месяц, и перемерила почти все обновки в ее гардеробе.

В доме творится настоящее столпотворение; цветочники, носильщики и родственники прибывают каждую минуту. Как ни странно, никого из домочадцев это, кажется, не беспокоит. Оба дня, что я живу здесь, мать Сьюзи провела на охоте, а отец отсиживался в своем кабинете. Их экономка, миссис Гириг, занимавшаяся и цветами, и свадебным шатром, и всем прочим, – и та в ус не дула. Когда я поделилась своим удивлением со Сьюзи, она лишь пожала плечами:

– Наверное, просто привыкли к шумным вечеринкам.

Накануне состоялся большой прием для многочисленных родственников Таркина и Сьюзи, съехавшихся из Шотландии; я думала, что разговоров только и будет что о свадьбе. Но сколько бы я ни пыталась привлечь внимание гостей к цветам или обсудить иную романтическую тему, неизменно натыкалась на отсутствующий взгляд. Лишь когда Сьюзи упомянула, что в качестве свадебного подарка Таркин собирается купить ей лошадь, все вдруг оживилось и загалдели о знакомых заводчиках, о купленных конях и о том, какой у их приятеля есть чудесный рыжий жеребец, – Сьюзи он наверняка бы заинтересовал.

Я серьезно. Ни один даже не *полюбопытствовал*, какое у меня будет платье.

Ну и пусть – мне все равно, потому что смотрится оно чудесно. Мы обе смотримся чудесно. Макияж нам делал профессиональный визажист, а прически – это нечто. А еще позвали фотографа, который снимал так называемую «натуру» – например, как я застегиваю Сьюзи платье (он заставил нас застегивать его трижды, под конец даже неинтересно стало). И теперь Сьюзи охает и ахает над шестью фамильными свадебными тиарами, а я потягиваю шампанское. Чтобы нервы успокоить.

– А как насчет вашей матери? – спрашивает парикмахер у Сьюзи. – Она не желает укладку феном?

– Сомневаюсь. – Сьюзи ухмыляется. – Она не любительница такого.

– Что она наденет? – интересуюсь я.

– Бог ее знает, – пожимает плечами Сьюзи. – Наверное, первое, что попадет под руку.

Наши взгляды встречаются, и я сочувственно хмурюсь. Вчера вечером мать Сьюзи спустилась за стаканчиком виски в широкой юбке в сборку и в узорчатом шерстяном джемпере, украшенном огромной бриллиантовой брошью. Между нами говоря, матушка Таркина выглядела еще похлеще. Понятия не имею, от кого ухитрилась перенять чувство стиля Сьюзи.

– Бекс, а может, ты проследишь, чтобы она не напялила какое-нибудь тряпье, в котором только грядки полоть? – просит Сьюзи. – Тебя-то она послушает, я знаю.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Сомнительно, но попробую.

В коридоре я сталкиваюсь с Люком, бредущим мне навстречу в халате.

– Какая ты красавица, – говорит он с улыбкой.

– Правда? – радуюсь я и делаю пируэт. – Платье – просто прелесть, да? И так хорошо сидит...

– Я не о платье, – произносит Люк, и от огоньков, играющих в его глазах, меня охватывает сладкое волнение. – К Сьюзи можно? – спрашивает Люк. – Я хотел пожелать ей удачи.

– Конечно, заходи. Люк, ты ни за что не догадаешься!

Последние два дня я буквально умираю от желания рассказать Люку о беременности Сьюзи, и эти слова срываются сами собой, прежде чем я успеваю прикусить язык.

– О чем?

– У нее... – Не могу ему сказать, не могу – и все. Сьюзи меня прикончит. – У нее... замечательное платье! – неуклюже выкручиваюсь я.

– Неужели? Грандиозный сюрприз. Что ж, заскочу к ней на пару слов. Увидимся.

Я осторожно приближаюсь к спальне матери Сьюзи и тихонько стучу.

– Да-да-а-а? – гудит зычный голос, и Кэролайн, матушка Сьюзи, распахивает дверь.

Ростом она шесть футов, длинноногая, с седыми волосами, собранными в узел, лицо обветренное.

– Ребекка! – грохочет она, приветливо улыбается и бросает взгляд на часы. – Вроде еще не пора?

– Не совсем. – Я улыбаюсь в ответ и окидываю взглядом ее костюм: выдавшая виды темно-синяя фуфайка, бриджи и сапоги для верховой езды. Для женщины ее возраста фигура у Кэролайн изумительная. Неудивительно, что и Сьюзи такая стройная. Я осматриваюсь по сторонам и не обнаруживаю в комнате ни свертков с нарядами, ни шляпных картонок.

– Я о чем, Кэролайн... Просто хотела узнать, что вы сегодня наденете. Вы же мать невесты!

– Мать невесты? – Кэролайн озадаченно тарашится на меня. – Господи, ну конечно же. Как-то не смотрела на это с такой точки зрения.

– Ну как же! И у вас, наверное... уже подходящее платье готово?

– Но ведь одеваться, по-моему, еще рановато? Просто накину что-нибудь перед самым выходом.

– Давайте помогу вам выбрать, – твердо говорю я, шагаю к гардеробу, распахиваю дверцу, готовая к любым потрясениям, – и открываю рот от изумления.

Поверить не могу. Наверное, это самая невообразимая коллекция нарядов, какую мне доводилось видеть. Амазонки, бальные платья, костюмы в стиле тридцатых годов теснятся вместе с индийскими сари, мексиканскими пончо и целой армией туземных украшений.

– Вот это да... – выдыхаю я.

– Знаю. – Кэролайн окидывает свои шмотки небрежным взглядом. – Ворох старых тряпок.

– Старых *тряпок*? Да в нью-йоркских магазинах такое не отыщешь... – Я вытаскиваю светло-голубое атласное платье, отороченное лентами. – Это же фантастика!

– Тебе нравится? – удивляется Кэролайн. – Забирай.

– Не могу!

– Деточка, мне оно не нужно.

– Но хоть из сентиментальности... Я имею в виду – как воспоминание...

– Воспоминания у меня здесь, – Кэролайн хлопает себя по голове, – а не тут. – Она оглядывает залежи одежды и поднимает какой-то костяной огрызок на кожаном шнурке. – А вот *это* я действительно люблю. Это подарил мне вождь Масаи много лет тому назад. Мы выехали на рассвете, чтобы отыскать стадо слонов, и вождь остановил нас. Женщина из их племени лежала в горячке после родов. Мы помогли сбить температуру, и племя почтило нас своими дарами. Вы не были в Масаи Мара, Ребекка?

– Э-э... нет. Вообще-то я никогда не была в Аф...

– А вот это – прелесть... – Кэролайн берет украшенный вышивкой кошелек. – Я купила его на базаре в Копуа. Сторговалась за последнюю пачку сигарет. Не бывали в Турции, Ребекка?

– Нет, и там не бывала. – Мне становится неуютно. Путешественница из меня никудышная. Я роюсь в памяти, пытаюсь отыскать что-нибудь, что произвело бы впечатление на Кэролайн, но перечень оказывается блеклый. Франция, Испания, Крит... Все в этом духе. Почему я не исколесила Монголию?

Если уж на то пошло, однажды я надумала махнуть в Таиланд. Но вместо этого отправилась во Францию и потратила все отложенные на отпуск деньги на сумочку от Лулу Гиннесс.

– Я не очень много путешествовала, – неохотно признаюсь я.

– Надо, девочка моя дорогая! Надо расширять свой кругозор. Узнавать жизнь по настоящим людям. Одна из самых близких моих подруг на земном шаре – крестьянка из Боливии. Мы вместе толкли маис в льяносах.

– Ого...

Часы на каминной полке напоминают, что уже половина первого, и я спохватываюсь, что мы так и не сдвинулись с места.

– Так о чем я... У вас были какие-нибудь идеи насчет наряда на свадьбу?

– Что-нибудь теплое и красочное, – объявляет Кэролайн и тянет из шкафа красно-желтое пончо.

– Гм... Не уверена, что это будет к месту... – Я раздвигаю ряды жакетов и платьев и замечаю шелковую ткань абрикосового цвета. – О! Как красиво! – Вытаскиваю наряд – и не верю своим глазам. Баленсиага!

– Дорожный костюм, – мечтательным тоном произносит Кэролайн. – Мы поехали восточным экспрессом в Венецию, а потом обследовали пещеры Постойна⁵. Знаете эти места?

– Вы должны надеть это! – От возбуждения у меня срывается голос. – Вы будете такая эффектная! И это так романтично – облачиться в свой дорожный костюм.

– Пожалуй, это будет занятно. – Кэролайн прикладывает к себе костюм, и от вида ее красных, задубелых рук меня, как всегда, пробирает дрожь. – Все еще впору, да? Еще где-то здесь должна быть шляпа... – Она откладывает костюм и шарит в шкафу.

– Вы, наверное, очень рады за Сьюзи, – говорю я, разглядывая эмалевое зеркальце.

– Таркин замечательный мальчик. – Обернувшись, Кэролайн постукивает пальцем по своему носу-клюву. – И очень хорошо оснащенный.

Действительно, Таркин числится пятнадцатым, или что-то около того, из самых богатых людей в стране. Но удивительно, что это отметила мать Сьюзи.

– Ну да... – бормочу я. – Хотя я не думаю, что Сьюзи нуждается в деньгах...

– Я не о деньгах. – Кэролайн многозначительно улыбается – и до меня наконец доходит.

– Ой! – Кажется, я отчаянно краснею. – Точно. Понятно.

– У Клиф-Стюартов все мужчины такие. Они этим славятся. Ни единого развода в роду, – прибавляет Кэролайн, водружая на голову зеленую фетровую шляпу.

Ничего себе. Теперь я взгляну на Таркина совсем иными глазами.

Некоторое время уходит на то, чтобы отговорить Кэролайн от зеленой фетровой шляпы в пользу элегантной черной. Когда же я иду по коридору обратно в комнату Сьюзи, из холла внизу доносятся знакомые голоса.

– Это всем известно. Ящур был вызван почтовыми голубями.

– Голубями? Ты хочешь сказать, что эпидемия, опустошившая скотные дворы по всей Европе, была вызвана несколькими безвредными пичугами?

– Безвредными? Грэхем, это же паразиты!

Мама с папой! Я кидаюсь к перилам. Вот они, стоят у очага! Папа в своем обычном костюме, с цилиндром под мышкой, и мама в темно-синем жакете, цветастой юбке и ярко-красных туфлях, не совсем совпадающих по оттенку с красной шляпой.

– Мама?

– Бекки!

– Мама! Папа! – Я сбегая по ступенькам и заключаю их в объятия, вдыхая знакомые запахи талька «Ярдли» и одеколona «Гвид».

⁵ Знаменитые пещеры в Словении, одни из самых глубоких в мире.

Поездка становится все более волнующей. Я не виделась с родителями с тех пор, как они навещали меня в Нью-Йорке четыре месяца назад. Да и тогда они задержались всего на три дня, прежде чем отправиться во Флориду.

– Мам, ты выглядишь потрясающе! Ты что-то сделала с волосами?

– Морин их немного высветлила. – У мамы польщенный вид. – И я заскочила к Дженис, соседке, чтобы она меня накрасила. Знаешь, она ведь закончила профессиональные курсы макияжа. Она настоящий специалист!

– Я... заметила... – слабым голосом произношу я, глядя на устрашающие полосы румян и маскировочного карандаша на маминых щеках. Может, удастся их стереть как бы ненароком.

– А Люк здесь? – Мама озирается, точно белка, высматривающая орех.

– Где-то тут, – говорю я и замечаю, как родители обмениваются взглядами.

– Тут, значит? – У мамы вырывается нервный смешок. – Вы, конечно, прилетели на одном самолете?

– Мам, не беспокойся. Он здесь. Правда.

По маминому лицу не скажешь, что она безоговорочно мне поверила, но не стоит ее за это винить. Дело в том, что на последней свадьбе, куда мы были приглашены, произошла маленькая неприятность. Люк не появился, и я была в таком отчаянии, что прибегла к... гм...

Ладно. Это была просто маленькая невинная хитрость. Он ведь действительно *мог* быть там – болтаться где-нибудь поблизости. Если бы не тот дурацкий групповой снимок, никто бы ничего и не узнал.

– Миссис Блумвуд! Здравствуйте!

Это Люк. Господи, спасибо тебе.

– Люк! – Мама, у которой явно гора свалилась с плеч, заливается пронзительным смехом. – Вы здесь! Грэхем, он здесь!

– Конечно, здесь! – Папа выразительно закатывает глаза. – А где, по-твоему, ему быть? На Луне?

– Как поживаете, миссис Блумвуд? – с улыбкой спрашивает Люк, целуя маму в щеку.

– Люк, вы должны называть меня Джейн. Я же вас просила.

Мама вся розовая от счастья. Она цепляется за руку Люка так, словно боится, как бы он не улетучился в облачке дыма. Люк чуть заметно улыбается мне, и я смеюсь в ответ. Так долго ждала я этого дня – и вот он наконец настал. Это как Рождество. Даже лучше, чем Рождество. Через распахнутые двери я вижу, как по заснеженной дорожке тянутся гости в костюмах и в стильных головных уборах. Издали доносится перезвон церковных колоколов.

– А где румяная невеста? – спрашивает папа.

– Я здесь! – раздается голос Сьюзи.

Мы разом вскидываем головы. Сьюзи плавно спускается по ступеням, держа в руках букет из роз и веточек плюща.

– Сьюзи! – Мама зажимает рот рукой. – Какое платье! Ох... Бекки! Ты должна посмотреть... – Она оборачивается ко мне – и только тут она замечает мой собственный наряд. – Бекки... Ты ведь замерзнешь!

– Не замерзну. В церкви будут топить.

– Чудесно, правда? – спрашивает Сьюзи. – Такое необычное.

– Да это же футболка! – Мама с недовольной миной дергает рукав. – А это что за обтрепанный край? Даже не подшит как следует!

– Так и должно быть, – втолковываю я. – Оно уникально.

– Уникально? Разве ты не должна выглядеть так же, как остальные?

– Никаких остальных не будет, – объясняет Сьюзи. – Единственная, кого бы я еще пригласила, – это Фенни, сестра Таркина. Но она сказала, что если еще раз будет подружкой

невесты, то лишится всех шансов выйти замуж. Знаете эту примету? Трижды быть подружкой невесты... А Фенни чуть ли не девяносто три раза была! А сейчас она положила глаз на какого-то парня, работающего в Сити, и не хочет рисковать.

Наступает короткая пауза. Я прямо вижу, как напряженно работает мамин мозг. *Пожалуйста*, только не...

– Бекки, лапочка, сколько раз ты была подружкой невесты? – интересуется мама чуть более небрежно, чем следовало бы. – Свадьба дядюшки Малколма и тети Сильвии... Все, по-моему?

– Еще Рути и Пол, – напоминаю я.

– Ты не была там подружкой невесты, – немедленно возражает мама. – Ты... несла букет. Стало быть, дважды, считая сегодняшний день. Да, дважды.

– Усек, Люк? – ухмыляется папа. – Дважды.

Ну и *что* это за родители?

– В любом случае у Бекки есть еще добрых десять лет, прежде чем придет пора беспокоиться о таких вещах, – как бы между делом замечает Люк.

– Что? – Мама напрягается, переводит взгляд с Люка на меня и обратно. – Что вы такое говорите?

– Бекки хочет подождать как минимум лет десять, прежде чем выйти замуж, – сообщает Люк. – Разве не так, Бекки?

Воцаряется потрясенное молчание.

– Гм... – Я откашливаюсь и пытаюсь изобразить беззаботную улыбку, хотя чувствую, как пылает мое лицо. – Именно... так.

– Правда? – Сьюзи смотрит на меня широко распахнутыми глазами. – Я не знала! Но почему?

– Это чтобы я могла... исследовать свой потенциал, – лепечу я, стараясь не смотреть на маму. – И... узнать себя.

– Узнать себя? – В голосе мамы звучат пронзительные нотки. – Почему тебе для этого понадобилось десять лет? Я бы тебе за десять минут все растолковала!

– Но, Бекс, сколько же тебе будет через десять лет? – спрашивает Сьюзи, наморщив лоб.

– Вовсе не обязательно именно десять... – бормочу я, слегка смешавшись. – Может, и восьми хватит.

– Восьми? – Мама, кажется, вот-вот заплачет.

– Люк, – с беспокойством произносит Сьюзи, – а ты об этом знал?

– Мы однажды обсуждали эту тему, – говорит Люк с легкой улыбкой.

– Но я не понимаю, – упорствует Сьюзи. – А как насчет...

– Времени? – дипломатично перебивает Люк. – Ты права. Пожалуй, нам уже пора идти. Знаете, что уже пять минут второго?

– Пять минут? – паникует Сьюзи. – В самом деле? Но я же не готова! Бекс, где твои цветы?

– Кажется, в твоей комнате. Я их куда-то положила...

– Ладно, тащи их! А где папа? О черт, сигаретку бы...

– Сьюзи, тебе нельзя курить! – кричу я в ужасе. – Это плохо для... – И вовремя умолкаю.

– Для платья? – приходит на выручку Люк.

– Да. Она может... уронить на него пепел.

К тому времени, как мне удастся разыскать цветы в ванной Сьюзи, подновить помаду и снова спуститься вниз, в холле остается только Люк.

– Твои родители уже вышли, – говорит он. – Сьюзи сказала, что и нам пора; сама она поедет с отцом в экипаже. А я для тебя вот что нашел, – добавляет Люк, протягивая жакет из овечьей шерсти. – Твоя мать права, идти в таком виде нельзя.

– В самом деле? – волнуясь я. – Что, так плохо выглядит?

– Выглядит замечательно. – На его губах играет улыбка. – Но вдруг после службы разойдется шов?

– Чертов Дэнни, – качаю я головой. – Знала же, что лучше выбрать Донну Каран.

Воздух тих и недвижим, когда мы с Люком идем по усыпанной гравием дорожке к крытой аллее; светит бледное солнце. Перезвон колоколов переходит в сольную мелодию, вокруг ни души – только торопливо снует единственный официант. Остальные, должно быть, уже в церкви.

– Извини, если я недавно затронул болезную тему, – произносит Люк.

– Болезную? – Я приподнимаю бровь. – Ах, *эту*? Никакая она не болезная!

– Твоя мать, кажется, расстроилась...

– Мама? Если честно, то ей плевать. Она вообще... шутила!

– Шутила?

– Ну да, – говорю я злобно. – Шутила.

– Ясно. – Люк поддерживает меня под руку, когда я спотыкаюсь на циновке из кокосовых волокон. – Значит, ты намерена выждать восемь лет, прежде чем выйти замуж.

– Безусловно, – киваю я. – Как минимум восемь.

Некоторое время мы шагаем молча. Издалека доносится перестук копыт по гравию – видимо, это выехал экипаж Сьюзи.

– Или, может быть, шесть, – небрежно добавляю я. – Или, скажем, пять. Это от многого зависит.

И снова воцаряется долгое молчание, нарушаемое только мягким, ритмичным шорохом наших шагов по аллее. Странное напряжение нарастает, и я не отваживаюсь взглянуть на Люка. Кашляю, тру нос и стараюсь придумать реплику о погоде.

Мы уже у церковных ворот. Люк разворачивается ко мне, и обычного насмешливого выражения нет на его лице.

– Серьезно, Бекки, – произносит он. – Ты и вправду хочешь ждать пять лет?

– Я... Я не знаю, – говорю я в растерянности и даже слышу, как глухо бьется мое сердце. – А ты?

Боже. Боже. Вдруг он собирается... Может, он готов...

– А! Подружка невесты! – Из-под портика выскакивает викарий, и мы с Люком подпрыгиваем на месте. – Для прохода между рядами все готово?

– Думаю... готово, – бормочу я, кожей ощущая взгляд Люка. – Да.

– Хорошо! Вам лучше войти внутрь, – добавляет викарий, обращаясь к Люку. – Вы же не хотите пропустить самое главное?

– Нет, – отвечает Люк после паузы. – Не хочу.

Он быстро целует меня в плечо и, не произнеся больше ни слова, уходит в церковь, а я растерянно смотрю ему вслед.

Мы сейчас говорили... Что, Люк действительно собирался...

Тут раздается стук копыт, и я стряхиваю с себя задумчивость. Экипаж Сьюзи, точно из волшебной сказки, катит по дороге. Фата развевается по ветру, Сьюзи лучезарно улыбается прохожим... Никогда еще мне не доводилось видеть ее такой прекрасной.

Честно, я вовсе не собиралась плакать. Я даже придумала способ, как этого избежать: решила задом наперед прочесть французский алфавит. Но даже помогая Сьюзи расправить шлейф, я чувствую, что в носу свербит. А когда звучит органная музыка и мы медленно идем

по переполненной церкви, мне через каждые два такта приходится шмыгать – в унисон с органом. Сьюзи крепко держится за руку отца, ее шлейф скользит по древним каменным плитам. Я иду сзади, стараясь не цокать каблуками, и молюсь, чтобы никто не заметил, как на моем платье расходятся швы.

Мы выходим вперед – там уже стоит жених с шафером. Таркин высокий, костлявый, физиономией похожий на какого-то лесного зверька, но надо признать: в костюме шотландского горца он смотрится весьма эффектно. И на Сьюзи он взирает с таким восхищением и любовью, что у меня опять глаза застилают слезы. Таркин на миг оборачивается, встречается со мной взглядом и нервно ухмыляется – я смущенно улыбаюсь в ответ. Честно говоря, теперь всегда буду вспоминать, что мне сказала Кэролайн.

Викарий заводит свою речь, и я расслабляюсь. Буду вслушиваться в каждое из этих хорошо знакомых слов – как будто начинается любимый фильм, где два моих лучших друга исполняют главные роли.

– Берешь ли ты, Сюзан, в мужья этого мужчину? – У викария густые, кустистые брови, и он шевелит ими при каждом вопросе, словно боится услышать в ответ «нет». – Будешь ли ты любить его, беречь, чтить и оставаться с ним в болезни и в радости, и, презрев всех остальных, хранить верность ему одному до скончания ваших дней?

Пауза – и Сьюзи произносит:

– Да.

Вот бы и подружкам невесты полагалось что-нибудь сказать. Что-нибудь краткое. Типа «да» или «буду».

Наступает тот момент, когда жених и невеста должны взяться за руки. Сюзан передает мне букет, и я пользуюсь случаем, чтобы обернуться и окинуть быстрым взглядом всех собравшихся. Народу собралось столько, что многим приходится стоять. Массивные мужчины в килтах и женщины в костюмах из бархата; а вот и Фенни с оравой своих лондонских приятелей. А вон мама, льнет к папе, прижимая платок к глазам. Она поднимает голову и видит меня; я улыбаюсь – но мама в ответ только всхлипывает.

Хватит глазеть по сторонам – Сьюзи и Таркин уже преклоняют колени, и викарий сурово декламирует:

– Что Бог соединил, то человек да не разрушит.

Я кошусь на Сьюзи. Она смотрит на Таркина, она буквально растворяется в нем. Теперь она принадлежит ему. И, к своему удивлению, я вдруг ощущаю какую-то пустоту в сердце. Сьюзи замужем. Все изменилось.

Минув год с тех пор, как я переехала в Нью-Йорк, и каждый миг этой жизни был мне дорог. Все верно. Но на уровне подсознания я знала: пойди что-нибудь не так, и я всегда смогу вернуться в Фулхэм и зажечь прежней жизнью вместе со Сьюзи. А теперь... А теперь не смогу.

Сьюзи я больше не нужна. У нее есть кое-кто другой, тот, кто отныне будет неизменно занимать первое место в ее жизни. Я смотрю, как викарий опускает руки на головы Сюзан и Таркина, благословляя их, – и у меня слегка сдавливают горло от воспоминаний. О том, как я состряпала отвратительное карри, чтобы сэкономить деньги, и Сьюзи твердила, какое оно получилось восхитительное, хотя во рту у нее горело. И о том, как Сьюзи пыталась соблазнить менеджера из банка, чтобы уладить дело с моим превышением кредита. Каждый раз, когда я влипала в передрагу, она приходила на помощь.

А теперь всему конец.

Внезапно я понимаю, что мне срочно требуется утешение. Оборачиваюсь и пробегаю взглядом по лицам гостей, высматривая Люка. Найти его удастся не сразу, и, хотя я продолжаю уверенно улыбаться, в душе нарастает нелепая паника – так ребенок осознает, что других детей разобрали по домам, а он один остался в школе.

Наконец я его вижу. Люк стоит за колонной, высокий, смуглый, крепкий, взгляд прикован ко мне. Ко мне, и ни к кому иному. Я чувствую, как ко мне возвращаются силы. Вот и меня забрали – все в порядке.

Под звон колоколов мы выходим в церковный двор. Люди, собравшиеся снаружи, на дороге, встречают нас приветственными криками.

– Поздравляю! – восклицаю я, стискивая Сьюзи в объятиях. – И тебя тоже, Таркин!

По отношению к Таркину я всегда испытываю легкую неловкость. Но теперь я смотрю на него как на супруга Сьюзи – и неловкость исчезает.

– Вы будете по-настоящему счастливы, я знаю, – с теплотой произношу я и целую Таркина в щеку; мы оба хохочем, когда в нас швыряют конфетти. Гости высыпают из церкви, как леденцы из банки, они болтают, смеются, перекликаются. Они толпятся вокруг Сьюзи и Таркина, целуя и обнимая их, обмениваются рукопожатиями, и я отодвигаюсь в сторону, гадая, где же Люк.

Церковный двор заполняется, и я невольно разглядываю родню Сьюзи. Ее бабушка медленной, царственной поступью выходит из церкви, опираясь на палку; ее сопровождает деловитый молодой человек в костюме. Худенькая бледная девушка с большими глазами, в черной шляпе необъятных размеров, держит на руках мопса и курит в режиме нон-стоп. Целая армия почти неразличимых братцев в килтах стоит у церковных ворот, и я припоминаю, как Сьюзи рассказывала о своей тетушке, наплодившей шестерых сыновей, прежде чем разродиться девочками-двойняшками.

– Вот, надень это, – неожиданно раздается над ухом голос Люка. Я оборачиваюсь. Он протягивает мне шерстяной жакет. – Мерзнешь, наверное.

– Не беспокойся. Все отлично!

– Бекки, снег идет, – твердо говорит Люк и набрасывает жакет мне на плечи. – По моему, свадьба удалась.

– Да. – Я осторожно посматриваю на него, гадая, как бы вернуть разговор к той теме, что мы обсуждали до венчания.

Но Люк смотрит на Сьюзи и Таркина, фотографирующихся под сенью дуба. Сьюзи улыбается во весь рот, зато у Таркина такое выражение лица, будто он грудью бросился на амбразуру.

– Славный парень, – замечает Люк, кивая на Таркина. – Станный, но славный.

– Да. Точно... Люк...

– Пунша не желаете? – возле нас возникает официант с подносом. – Или шампанского?

– Пунша, – с признательностью говорю я. – Спасибо.

Делаю несколько глотков и прикрываю глаза. По телу разливается тепло. Хорошо бы оно добралось до ног – они, надо признаться, совсем замерзли.

– Подружка невесты! – внезапно вопит Сьюзи. – Где Бекс! Мы должны сфотографироваться!

– Здесь! – кричу я, открывая глаза и сбрасывая с плеч жакет. – Люк, поддержи мой стакан.

Торопливо продираюсь через толпу и присоединяюсь к Сьюзи и Таркину. Это же надо – теперь, когда все эти люди смотрят на меня, холод совсем не чувствуется. Я улыбаюсь своей самой лучезарной улыбкой, изящно прижимаю к груди букет, по указанию фотографа беру Сьюзи под руку и между щелчками камеры машу букетом маме с папой, которые проталкиваются вперед.

– Мы скоро пойдем обратно в дом, – говорит миссис Гириг, приближаясь, чтобы поцеловать Сьюзи. – Люди мерзнут... Остальные снимки можно сделать там.

– Хорошо, – соглашается Сьюзи. – Только еще немного пофотографируемся вместе с Бекс.

– Отличная мысль, – поддерживает ее Таркин и с явным облегчением удирает к своему отцу.

Тот – копия Таркина, разве что лет на сорок постарше. Фотограф несколько раз щелкает нас со Сьюзи, соревнующихся по части лучезарности улыбок, и прерывается, чтобы перезарядить камеру. Сьюзи берет у официанта стакан с пуншем, а я тайком проверяю, не разошлось ли сзади платье.

– Бекс, послушай, – шепчет Сьюзи и с серьезным видом смотрит на меня. Она стоит так близко, что можно различить каждую блестку в ее тенях для век. – Я должна тебя кое о чем спросить. Ты же не собираешься и в самом деле ждать десять лет, чтобы выйти замуж, правда?

– Ну... нет, – признаюсь я. – Не собираюсь.

– И ты думаешь, что это именно Люк? Только честно. Между нами.

Молчание длится долго. Слышно, как кто-то бубнит сзади: «Конечно, дом у нас вполне современный. В тысяча восемьсот пятьдесят третьем, кажется, построили...»

– Да, – небрежно произношу я, чувствуя, как густо розовеют щеки. – Да, думаю, это он.

Еще несколько мгновений Сьюзи внимательно всматривается в мое лицо – и, кажется, принимает какое-то решение.

– Точно, – говорит она, ставя свой стакан на поднос. – Так что мне пора бросать букет.

– Что? Сьюзи, не говори глупостей! Его еще нельзя бросать!

– Нет, можно! Я могу его бросить, когда мне вздумается.

– Но ты должна это сделать, только когда будешь уезжать на медовый месяц!

– Плевать! – упрямится Сьюзи. – Не собираюсь больше ждать. Брошу сейчас.

– Но это же делается *в конце!*

– Кто тут невеста? Ты или я? Если дожидаться самого конца, это будет совсем неинтересно! А теперь встань-ка вот здесь. – Сьюзи повелительным жестом указывает на холмик заиндевевшей травы. – И положи свои цветы. Будешь держать что-нибудь в руках – ничего не поймашь. – Она повышает голос: – Тарки? Я сейчас брошу букет, идет?

– Идет, – беззаботно откликается Таркин. – Хорошая идея.

– Давай, Бекс!

– Мне не хочется его ловить, – ворчу я, – глупо это.

Но других подружек у невесты нет, так что приходится сложить цветы на травку и встать на холмик, как велели.

– Я хочу, чтобы это засняли, – обращается Сьюзи к фотографу. – А где Люк?

Получается немного странно: я стою на кочке в полном одиночестве, а в меня собираются швырнуть букетом. Все разбредаются кто куда. Вдруг я замечаю, что Таркин с шафером обходят людей и что-то им нашептывают на ухо, – и вот уже все поворачиваются и выжидательно таращатся на меня.

– Готова, Бекс? – окликает меня Сьюзи.

– Подожди! – кричу я. – Нас должно быть много, чтобы все стояли рядом...

Нет, честное слово, Сьюзи нарушает все правила. Что она, на свадьбах не бывала?

– погоди, Сьюзи! – снова ору я, чувствуя себя полной дурой, но поздно.

– Лови, Бекс! – вопит она. – Лови-и-и!

Букет взмывает высоко в воздух, мне приходится подпрыгнуть, как заправскому баскетболисту, чтобы его поймать. Букет куда больше и тяжелее, чем казался с виду, и мгновение я пялюсь на него, наполовину (втайне) восхищенная, наполовину до чертиков злая на Сьюзи.

И тут что-то цепляет мой взгляд. Маленький конверт. Подписан – «Бекки».

Конверт для меня в букете Сьюзи?

Ошеломленная, я перевожу взгляд на Сьюзи, та кивает.

Я вскрываю конверт, пальцы трясутся. Внутри что-то объемное. Это...

Кольцо, завернутое в вату. И послание – почерком Люка. И гласит оно...

«Согласна ли ты...»

Я смотрю на карточку, стараясь совладать с собой, но весь мир вокруг мерцает, а перед глазами плывут круги.

Потрясенная, я поднимаю голову. Люк пробирается ко мне через толпу, лицо у него серьезное, но взгляд такой теплый...

– Бекки, – начинает он, и весь церковный двор задерживает дыхание. – Ты согласна...

– Да! Да-а-а-а!

Я слышу этот счастливый вопль еще прежде, чем понимаю, что у меня открыт рот. Только голос почему-то совершенно не похож на мой. И вообще он больше похож на...

На мамин.

Ушам не верю!

Я резко разворачиваюсь, и мама в панике зажимает рот рукой.

– Извини, – шепчет она, и по толпе прокатывается смех.

– Почту за честь, миссис Блумвуд, – говорит Люк, глаза его смеются. И он переводит взгляд на меня. – Бекки, если мне придется ждать пять лет, я готов. Или восемь. И даже десять. – Он умолкает, и воцаряется полная тишина, только легкий ветерок разносит конфетти по церковному двору. – Но я надеюсь, что однажды – и желательно пораньше – ты окажешь мне честь и выйдешь за меня замуж?

Горло сдавливает так сильно, что я не могу говорить, только еле заметно киваю. Сердце грохочет как молот. Люк хочет жениться на мне. Наверное, он давно уже это решил. И не сказал ни слова.

Люк берет меня за руку, разжимает мои пальцы и вынимает кольцо. Бриллиант в старинной золотой оправе. Я никогда еще не видела ничего подобного. Оно совершенно.

– Ты позволишь?

– Да, – шепчу я и смотрю, как кольцо скользит по моему пальцу. Взгляд Люка, устремленный на меня, никогда еще не был таким нежным. Люк целует меня, и раздаются приветственные крики.

Поверить не могу. Я обручена!

3

Хорошо. Может, я теперь и обручена, но я не допущу, чтобы от этого у меня снесло крышу.

Ни за что!

Знаю я девиц, которые сходили с ума, планируя самую крутую свадьбу во вселенной, и не могли думать ни о чем другом... Со мной такого не случится. Я не позволю свадьбе перевернуть всю мою жизнь. Надо разобраться в приоритетах. Главное – это ведь не платье, не туфли, не цветы, верно? Главное – это обязательства, которые принимают на всю жизнь. Обеты, которые дают друг другу.

Я мажу лицо увлажняющим кремом – и замираю, устремив взгляд на свое отражение в зеркале.

– Я, Бекки, – торжественно бубню я. – Я, Ребекка. Беру тебя, Люк.

От этих древних слов мурашки по спине бегут, верно?

– В... в мужья. В радости, в богатстве...

Я умолкаю, озадаченно сморщив лоб. Кажется, не совсем так. Ладно, ближе к делу выучу как следует. Ведь главное что? Клятвы! И не стоит лезть из кожи вон. Простая, элегантная церемония – и все. Без суеты, без шумихи. Обошлись же Ромео и Джульетта без пышной свадьбы с засахаренным миндалем и слоеными пирожками.

Может, и мы обвенчаемся тайно! Внезапно нарисовавшаяся картина завораживает меня: мы с Люком преклоняем колени перед итальянским священником в маленькой каменной часовне. Вот это была бы романтика! А потом Люк почему-то решит, будто я умерла, и совершит самоубийство, и я тоже совершу самоубийство, и это будет неопишимо трагично, и все вокруг станут говорить, что мы сделали это во имя любви, и мы будем примером для целого мира...

– Караоке? – Голос Люка за дверью спальни возвращает меня к реальности. – Что ж, это, конечно, можно...

Дверь распахивается, и он протягивает мне чашку кофе. После свадьбы Сьюзи мы поселились у моих родителей. Когда я выходила из-за стола, Люк разнимал папу с мамой, споривших, состоялась ли на самом деле высадка на Луну.

– Твоя матушка уже подыскала подходящую дату для свадьбы, – сообщает Люк. – Что ты думаешь о...

– Люк. – Я поднимаю руку, останавливая его. – Люк. Давай делать за один раз по одному шагу, ладно? Мы ведь едва помолвлены. Давай сначала освоимся с этой мыслью. Ни к чему так торопиться с датами.

И я с гордостью бросаю взгляд в зеркало: я теперь совсем взрослая. Впервые в жизни никуда не мчусь сломя голову. Не лезу на стенку.

– Ты права, – произносит Люк после паузы. – Совершенно права. Твоя мама, конечно, погорячилась.

– В самом деле? – Я задумчиво делаю глоток кофе. – Так... просто ради интереса... Когда?

– Двадцать второго июня. Этого года. – Люк качает головой. – Действительно, безумие. Всего через несколько месяцев.

– Рехнуться! – У меня расширяются глаза. – То есть спешить некуда, верно?

Двадцать второе июня! Нет, ну что она за мать такая!

Хотя... летняя свадьба – это замечательно. Теоретически, я имею в виду.

А если мы остановимся на июне, то я могу прямо сейчас начать поиски свадебного платья. И выбрать тиару. И почитать журнал для невест. Да!

– С другой стороны, – небрежно добавляю я, – нет и причин откладывать. Ведь если мы приняли решение и все взвесили... Почему бы... этого не сделать? К чему тянуть?

– Ты уверена? Бекки, я не хочу, чтобы у тебя было чувство, будто я давлю...

– Все в порядке. Я уверена на все сто. Поженимся в июне!

Поженимся! Скоро! Ура! Я снова оглядываюсь на зеркало – моя физиономия просто перекошена от радости.

– Значит, скажу своей маме, что свадьба двадцать второго. Она будет в восторге, уж я-то знаю. – Люк смотрит на часы. – Так, мне пора.

– Да-да, – подхватываю я с энтузиазмом. – Конечно, поторопись. Ты же не хочешь к ней опоздать?

Люк должен провести день со своей матерью, Элинор, остановившейся в Лондоне по пути в Швейцарию. По официальной версии, она собирается погостить у давних друзей и «насладиться горным воздухом». Все, конечно, в курсе, что на самом деле Элинор затеяла миллионную по счету подтяжку лица.

А днем мы с родителями встречаемся с Люком и его матерью за чаем в «Кларидже». Все наперебой восклицали, какое это удачное совпадение, что Элинор как раз здесь и оба семейства смогут повидаться. Но стоит мне подумать об этом чаепитии, как тут же скручивает живот. Я бы с радостью повидалась с настоящими родителями Люка – его отцом и мачехой, очень славными людьми, живущими в Девоне. Но они сейчас в Австралии, куда переехала сводная сестра Люка, и обратно поспеют прямо к нашей свадьбе. И Люку ничего не оставалось делать, кроме как свести нас с Элинор.

Элинор Шерман. Моя будущая свекровь.

Только не надо об этом думать. Нужно просто пережить сегодняшний день.

– Люк... – Я мнусь, подыскивая нужные слова. – Как, по-твоему, это пройдет? Первая встреча наших родителей? Сам знаешь – твоя мать... и моя... Они ведь немного разные, да?

– Все будет прекрасно! Уверен, они поладят.

Люк и в самом деле не понимает, о чем я.

Конечно, очень хорошо, что он обожает свою мать. Знаю, сыновья и должны любить матерей. А Люк почти не видел ее, когда был маленьким, и теперь пытается наверстать упущенное... Но все-таки. *Как* можно быть преданным Элинор?

Я спускаюсь на кухню. Мама одной рукой убирает со стола, а другой придерживает телефон.

– Да, – говорит она. – Правильно, Блумвуд. Б-л-у-м-в-у-д. Из Оксшотта, Суррей. Перешлете по факсу? Благодарю. Хорошо. – Она ставит телефон на место и улыбается мне. – Объявление в «Суррей пост».

– *Еще одно?* Мам, ты их сколько всего сделала?

– Сколько положено, – защищается мама. – «Таймс», «Телеграф», «Оксшотт геральд» и «Эшер газет».

– И «Суррей пост».

– Да. Всего-то... пять.

– Пять!

– Бекки, ты один раз вступаешь в брак! – изрекает мама.

– Знаю. Но...

– А теперь послушай. – Лицо мамы розовеет. – Ты наша единственная дочь, Бекки, и мы не постоим за ценой. Мы хотим, чтобы это была свадьба твоей мечты. Что бы там ни полагалось – объявления, цветы, конный экипаж, как у Сьюзи... Мы хотим, чтобы у тебя это было.

– Мама, мне надо с тобой поговорить, – выдавливаю я. – Мы с Люком оплатим все расходы...

– Чепуха! – живо откликается мама. – Мы и слушать такого не станем!

– Но...

– Мы всегда надеялись, что наступит прекрасный день, когда мы оплатим твою свадьбу. И уже несколько лет копим деньги.

– Да? – Я смотрю на нее, охваченная внезапным волнением. Все это время мама и папа копили деньги – и не обмолвились ни словом. – А я и не знала.

– Еще бы! Мы же не собирались тебе об этом докладывать, верно? И так, – голос мамы вновь становится деловитым, – Люк сказал тебе, что мы уже наметили число? Знаешь ли, это было не просто! Все оказалось занято. Но я договорилась с Питером в церкви, у него как раз была отмена, и ему удастся втиснуть нас в субботу, на три часа. Иначе дождайся потом до ноября.

– Ноябрь? Мерзкое время для свадеб.

– Вот именно. Так что я велела Питеру нас записать. Смотри, я уже и отметку в календаре сделала!

Календарь висит на холодильнике – там на каждый месяц по новому рецепту от «Нескафе». Перелистываю на июнь. Точно. Там большими буквами выведено: «СВАДЬБА БЕККИ».

Я смотрю на эту надпись с каким-то странным чувством. Это происходит на самом деле. Я и вправду выхожу замуж. Это не понарошку.

– И у меня есть кое-какие соображения насчет шатра, – продолжает мама. – Я видела в журнале один, очень нарядный, и подумала: надо показать Бекки...

Она извлекает откуда-то стопку глянцевого журналов. «Невесты», «Современная невеста», «Свадьба и дом». Блестящие, броские, зазывные – как блюдо с пончиками.

– Ого! – Только не сразу вцепляться в ближайший! – Я и не читала этого невестинного чтива. Даже не знаю, на что оно похоже.

– И я не знаю, – подхватывает мама, опытной рукой листая «Свадьбу и дом». – Толком не знаю. Так, заглядывала – вдруг набреду на какую-нибудь безумную идейку. Тут ведь в основном реклама...

Я в замешательстве. Пальцы скользят по обложке журнала «Ты и твоя свадьба». С трудом укладывается в голове, что теперь я вправе читать все это в открытую! Не надо бочком подкрадываться к полкам и исподтишка заглядывать в манящие журналы – словно запикивать в рот бисквит, то и дело дергаясь, не видит ли тебя кто-нибудь.

Эта привычка укоренилась так глубоко, что ее трудно побороть. Даже теперь, когда кольцо блестит на моем пальце, я ловлю себя на том, что изображаю полное равнодушие.

– Думаю, мельком просмотреть стоит, – небрежно замечаю я. – Так, для общей информации... Просто быть в курсе...

Да ну все на фиг! Мама меня и не слушает – так зачем прикидываться, будто у меня руки не чешутся перелопатить эти журналы от корки до корки? Счастливая, я бухаюсь в кресло, и следующие десять минут мы проводим в глубоком молчании, впившись глазами в картинку.

– Вот! – внезапно произносит мама. Она разворачивает журнал так, чтобы мне было видно фотографию: белый шатер с серебряной отделкой. – Разве не чудо?

– Класс!

Я увлеченно рассматриваю свадебные платья, букеты... И мой взгляд упирается в строчку с датой.

– Мам! Это же прошлогодний! Ты что, искала журналы для невест еще в прошлом году?

– Сама не знаю, как это получилось. – Мама пытается увильнуть. – Я их, наверное, в приемной у врача захватила или еще где. Неважно. У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Не думала пока... – бормочу я в нерешительности. – Мне бы, пожалуй, что-нибудь попроще...

В голове внезапно возникает картина: я в пышном белом платье и в сверкающей тиаре... прекрасный принц ждет меня... приветственные крики толпы...

Стоп. Нечего хватать через край. Это ведь решено.

– Согласна, – говорит мама. – Ты хочешь что-нибудь элегантное и со вкусом. О, смотри: виноградные гроздья с золотыми листьями. Это, пожалуй, подойдет. – Она переворачивает страницу. – Взгляни-ка: подружки невесты – двойняшки. Прелестно выглядит, правда? У тебя нет знакомых близняшек?

– Нет, – с сожалением вздыхаю я. – Ой, смотри, свадебный будильник! И органайзер в комплекте с дневником для невесты – чтобы записывать особые воспоминания. Как по-твоему, купить что-нибудь из этого?

– Обязательно! – объявляет мама. – Не купишь – потом будешь жалеть. – Она откладывает журнал. – Вот что я скажу тебе, Бекки: не довольствуйся полумерами. Помни, такое бывает раз в жизни.

– Приве-е-ет! – Мы обе поднимаем головы: кто-то стучится в дверь черного хода. – Это всего лишь я!

Дженис улыбается нам из-за стекла и машет рукой. Дженис – наша соседка, я знаю ее целую вечность. На ней цветастое платье спортивного покроя, на веках тени ядовито-бирюзового оттенка, под мышкой зажата папка.

– Дженис! – радуется мама. – Заходи, выпей кофе!

– С удовольствием, – соглашается Дженис. – Смотрите, я кое-что принесла!

Она входит и заключает меня в объятия.

– А вот и наша чудо-девочка! Бекки, золотко, поздравляю!

– Спасибо, – бормочу я смущенно.

– А кольцо-то, кольцо!

– Два карата, – тотчас вставляет мама. – Антикварное. Семейная реликвия.

– Семейная реликвия... – эхом вторит Дженис. – Ох, Бекки! – Она листает номер «Современной невесты» и вздыхает. – Но как же вы устроите свадьбу, если живете в Нью-Йорке?

– Бекки нечего об этом тревожиться, – твердо говорит мама. – Я все беру на себя. В конце концов, так принято.

– Что ж, если понадобится помощь – где меня найти, ты знаешь. А дату уже назначили?

– Двадцать второе июня! – сообщает мама, перекрикивая кофемолку. – В три часа, в церкви Святой Марии.

– В три часа, – повторяет Дженис. Потом откладывает журнал и устремляет на меня серьезный взгляд. – А теперь, Бекки, вот что я хочу сказать тебе... Вам обеим.

– Да? – откликаюсь я с легкой опаской.

Мама оставляет в покое кофемолку. Дженис делает глубокий вдох.

– Мне доставило бы огромное удовольствие заняться твоим свадебным макияжем. Твоим и всех твоих подружек.

– Дженис! – в восторге кричит мама. – Как мило с твоей стороны! Ты только подумай, Бекки. Профессиональный макияж!

– Э-э... Здорово...

– Я столько узнала на курсах, все тонкости ремесла! У меня есть целая книжка с картинками, можно в ней порыться, подыскать что-нибудь по своему вкусу. На всякий случай я ее прихватила, смотрите! – Дженис раскрывает папку и перебирает ламинированные снимки –

женщины на них выглядят так, словно размалевали их в семидесятые годы. – Вот этот стиль называется «Прогулка принцессы», для юного личика, – говорит Дженис замирающим голосом. – А это – «Лучезарная весенняя невеста», со сверхводостойкой тушью... Или «Клеопатра» – если хотите чего-нибудь более драматического.

– Здорово, – снова выдавливаю я.

Ни за какие миллионы не подпущу Дженис к своей физиономии.

– А пирог вы ведь поручите Венди, да? – спрашивает Дженис, когда мама ставит перед ней чашку кофе.

– Без вопросов, – отзывается мама. – Венди Принс с Мэйбери-авеню, – поясняет она мне. – Помнишь, она испекла пирог по случаю ухода твоего отца на пенсию – там сверху была еще газонокосилка из крема. Она настоящая чародейка!

Пирог я помню. Зловеще-зеленая глазурь и газонокосилка из маргарина.

– Знаешь, тут есть изумительные свадебные пироги, – заикаюсь я, робко протягивая номер «Невесты». – Из специального магазина в Лондоне. Может, стоит туда зайти, посмотреть...

– Нет, золотце, мы должны попросить Венди! – Мама шокирована. – Иначе она просто разорится! Ты в курсе, что ее мужа хватил удар? Только эти сахарные розочки и поддерживают ее на плаву.

– Да, верно... – Я виновато закрываю журнал. – Я не знала. Ну... тогда ладно. Уверена, получится очень мило.

– А какой пирог был на свадьбе Тома и Люси! – вздыхает Дженис. – Надо будет сделать такой же на первые крестины. Знаете, что Том и Люси сейчас у нас? Наверняка они наведаются, чтобы вас поздравить. Даже не верится – уже полтора года, как они женаты!

– В самом деле? – Мама отпивает глоток кофе и сдержанно улыбается.

Свадьбу Тома и Люси в нашем семействе как-то не принято вспоминать. Мы очень любим Дженис и Мартина, потому и помалкиваем, но, если начистоту, от Люси никто не в восторге.

– Нет никаких признаков, что они... – мама делает неопределенный жест, – собираются обзавестись?..

– Пока нет. – Улыбка Дженис на мгновение меркнет. – Мы с Мартином думаем, что они прежде хотят друг с другом натешиться. До того счастливая пара! И конечно, у Люси карьера...

– Понимаю, – рассудительно произносит мама. – Хотя ждать *слишком* долго – это не дело...

– Знаю, – соглашается Дженис, и обе косятся на меня.

Они что, издеваются? Я только день как помолвлена! Дайте дух перевести!

Я удираю в сад и прогуливаюсь там, потягивая кофе. Снег начинает подтаивать, на газоне и на розовых кустах уже кое-где проглядывает зелень. Шагая по усыпанной гравием дорожке, я ловлю себя на мысли, что это прекрасно: вновь оказаться в английском саду, пусть даже и в долину. На Манхэттене таких садов не найти. Конечно, там есть Центральный парк, и причудливый маленький сквер, усаженный цветами, имеется. Но настоящих английских садов с газонами, деревьями и клумбами – нет.

Я дохожу до увитой розами беседки и оглядываюсь на дом, прикидывая, как будет смотреться шатер на лужайке, – и до меня долетает шум перепалки в соседнем саду. Решив было, что это Мартин, я уже собираюсь высунуться из-за ограды и сказать «Привет», как по заснеженному саду разносится четкий женский голос:

– Да она ледышка!

Черт! Люси. И похоже, в бешенстве. Ей в ответ невнятное бормотание – Том, больше некому.

– А ты такой специалист хренов, да?

Снова бубнеж.

– Ладно, отвянь.

Я потихоньку пробираюсь к изгороди. Если б только услышать весь разговор целиком...

– Ну конечно, если бы мы жили полной жизнью, если б ты хоть раз в сто лет что-нибудь устраивал, может, мы и не буксовали бы на одном месте, мать твою!

Ого – не иначе как Люси специально подстрекает его.

И вот уже Том повышает голос, защищаясь:

– Мы выезжали... Ты только и знаешь, что жаловаться... Сама бы хоть раз постаралась...

Крак!

Дерьмо. *Вот дерьмо!* На ветку наступила.

Первый мой порыв – дать деру. Но уже поздно – две головы возникают над оградой: густо-розовое, расстроенное лицо Тома и напряженная от злости физиономия Люси.

– О, привет! – восклицаю я как можно беззаботнее и тоже повисаю над изгородью. – Как у вас дела? А я тут... прогуливаюсь... И вот, обронила... платок...

– Платок? – Люси подозрительно оглядывает землю. – Что-то я не вижу никакого платка.

– Ну... да... гм. Так как... супружеская жизнь?

– Чудно, – цедит Люси. – Кстати, мои поздравления.

– Спасибо.

Во время неловкой паузы я окидываю взглядом наряд Люси: черный верх (воротник поло, скорее всего, «Маркс и Спенсер»), брюки (похоже, «Эрл Джинс» – надо признать, круто) и сапоги (высокие, отороченные кружевами, явно «Расселл и Бромли»).

Это моя привычка – разглядывать на людях шмотки и мысленно расписывать, что и откуда, как на страничках моды в журналах. Я-то думала, что единственная этим занимаюсь. Но потом переехала в Нью-Йорк – а там, оказывается, все так поступают. Национальный вид спорта, честное слово. Когда встречаешь кого-нибудь в первый раз, будь то богатая дама из общества или швейцар, тебя с ног до головы окидывают быстрым – в три секунды – оценивающим взглядом. Ты видишь, как с точностью до доллара подсчитывают стоимость твоей одежды, прежде чем тебе скажут «здравствуйте». Я называю эту процедуру «обзор по-манхэттенски».

– Как тебе Нью-Йорк?

– Грандиозно! Здорово, правда... И работу свою я люблю... Жить там – это что-то потрясающее!

– А я вот так в Нью-Йорке и не побывал, – с завистью произносит Том. – Хотелось махнуть туда на медовый месяц.

– Том, не начинай опять, ладно? – рычит Люси.

– Может, как-нибудь нанесу вам визит, – говорит Том. – Скажем, на выходные.

– Давай! Приезжайте вдвоем... – И я смолкаю в замешательстве, когда Люси закатывает глаза и широким шагом удаляется в дом. – Словом, приятно было тебя повидать, и я рада, что супружеская жизнь у тебя... Короче, жизнь у тебя супружеская...

Я тороплюсь на кухню, умирая от желания рассказать маме об услышанном, – но там никого нет.

– Эй, мам! – зову я. – Я только что видела Тома и Люси!

Мама спускается по чердачной лестнице, держа в охапке что-то большое и белое.

– Что это? – спрашиваю я, подхватывая узел.

– Сейчас покажу, – выдыхает мама. – Просто... – Ее руки дрожат, когда она расстегивает молнию на пластиковом чехле. – Просто... смотри!

– Это же твое свадебное платье! – в изумлении восклицаю я, увидев пену кружев. – Я и не знала, что ты его сохранила!

– Конечно же, я его сохранила! – Мама отбрасывает обрывки оберточной бумаги. – Ему тридцать лет, но оно как новенькое. Бекки, это только идея...

– Какая идея? – спрашиваю я, помогая расправить шлейф.

– Оно может тебе и не подойти...

Я медленно поднимаю на нее глаза. Черт... Она серьезно.

– Боюсь, что действительно не подойдет, – говорю я осторожно. – Ты наверняка была постройнее меня. И... пониже.

– Но мы же одного роста, – озадачивается мама. – Ну давай, Бекки, примерь!

Пять минут спустя в зеркале в маминой спальне я созерцаю колбасу в оборках: тесный кружевной верх с гофрированными рукавами, на бедрах финтифлюшек еще больше... а потом они переходят в многоярусный шлейф.

В жизни не надевала ничего менее лестного.

– Ох, Бекки... До чего же я глупая, – бормочет мама, смеясь и вытирая глаза. – Моя девочка в платье, которое я носила...

– Мама... – Повинуясь порыву, я обнимаю ее. – Это... действительно прелестное платье...

Как бы намекнуть, что я его не надену?

– И оно смотрится на тебе превосходно. – Глотая слезы, мама нашаривает носовой платок и сморкается. – Но тебе решать. Если ты считаешь, что оно тебе не идет... просто так и скажи... Я пойму...

– Я... Ну...

Черт. Вот черт!

– Я над этим подумую, – обещаю я, силясь улыбнуться.

Мы убираем свадебное платье обратно в чехол, перехватываем несколько сэндвичей на ланч и смотрим старый сериал по кабельному каналу – мама с папой установили его совсем недавно. А потом, хотя времени еще достаточно, я поднимаюсь вверх и готовлюсь к встрече с Элинор. Матушка Люка – одна из тех манхэттенских дамочек, облик которых – само совершенство и безупречность, и сегодня мне меньше всего хочется ударить в грязь лицом.

Надеваю костюм от «DKNY», купленный на Рождество, новые фирменные колготки и туфли с распродажи в «Прада». Потом тщательно оглядываю себя, выискивая на ткани пятна и морщинки. На этот раз меня не поймаешь. Не будет ни одной выбившейся нитки, ни единой складки, в которую могли бы вонзиться рентгеновские лучи глаз Элинор.

Не успеваю я прийти к выводу, что все в ажуре, как в комнату торопливо входит мама. Она удачно выбрала пурпурный костюм от «Виндсмур» и буквально светится от предвкушения.

– Как я выгляжу? – спрашивает она с коротким смешком. – Сойдет для «Клариджа»?

– Прекрасно! Это действительно твой цвет. Только...

Я беру салфетку и, намочив ее под краном, вытираю мамины щеки, раскрашенные полосками румян а-ля барсук, – ясно, Дженис постаралась.

– Вот. Превосходно.

– Спасибо, дорогая! – Мама разглядывает свое отражение в зеркале гардероба. – Что ж, это будет замечательно. Встретимся наконец с матерью Люка.

– Гм... – неопределенно мычу я.

– Думаю, мы с ней подружимся! Нам ведь вместе заниматься приготовлениями к свадьбе... Знаешь, Марго, которая живет через дорогу, в прекрасных отношениях с матерью своего зятя, они и праздники вместе проводят. Она говорит, что не потеряла дочь, а обрела подругу!

Мама, кажется, вне себя от возбуждения. И как прикажете подготовить ее к горькой правде?

– Элинор, судя по описаниям Люка, просто прелесть. Он ее так любит!

– Это верно, – угрюмо признаю я. – Любит до чертиков.

– Он рассказывал сегодня утром, какие чудеса она совершает, занимаясь благотворительностью. Сердце у нее, должно быть, золотое!

Пока мама щебечет, я отключаюсь и вспоминаю разговор с Аннабел, мачехой Люка.

Аннабел я обожаю. Она совсем не похожа на Элинор – много мягче и спокойней, с чудесной улыбкой. Они с отцом Люка живут в сонном уголке Девона неподалеку от моря, и мне бы, если честно, хотелось проводить с ними куда больше времени. Но Люк оставил дом, когда ему стукнуло восемнадцать, и вряд ли вернется обратно. Мне кажется, он считает, будто его отец попусту растрчивает свою жизнь, осев адвокатом в провинции, вместо того чтобы завоевывать мир.

Когда они приехали в Нью-Йорк, мы с Аннабел наконец провели вместе целый день. Бродили по Центральному парку, говорили обо всем на свете. Казалось, нет таких тем, которые нельзя с ней затронуть, так что я набрала в грудь побольше воздуха и спросила о том, что мне всегда хотелось знать, – как Аннабел мирится с тем, что Люк настолько ослеплен Элинор. Конечно, Элинор – его биологическая мать, но ведь именно Аннабел была рядом с ним всю жизнь. Это она ухаживала за Люком, когда он болел, помогала с уроками, каждый вечер стряпала ужин. А теперь ее отодвинули в сторону.

На мгновение я увидела боль на лице Аннабел. Но она тотчас постаралась улыбнуться и сказала, что понимает это. Люк еще в детстве отчаянно хотел встретиться со своей настоящей мамой, и теперь, когда у него появилась возможность бывать с ней, отказывать ему в этой радости нельзя.

– Представь, что появилась твоя крестная-фея, – сказала она. – Разве ты не будешь ею ослеплена? Не забудешь на время обо всех прочих?

– Элинор не крестная-фея, – парировала я, – а злобная старая ведьма.

– Бекки, она его родная мать, – с мягким укором произнесла Аннабел. И перевела разговор на другую тему. И ни единого резкого слова в адрес Элинор.

Святая Аннабел.

– Просто стыд, что они не могли видаться, пока Люк не вырос, – заливается мама. – Какая трагическая история. – Она понижает голос, даром что Люка нет в доме. – Люк только сегодня мне рассказывал, как мать хотела забрать его с собой в Америку. Но ее новый муж-американец не позволил! Бедная женщина! Как она, наверное, была несчастна. Оставить собственное дитя!

– Ну да, конечно. – Но во мне уже зарождается чувство протеста. – Вот только... Ей *не обязательно* надо было уезжать, верно? Если она была так несчастна, почему не растолковала этому новому муженьку, куда он может проваливать?

Мама в изумлении смотрит на меня:

– Это же так грубо, Бекки.

– Ну и ладно. – Я передергиваю плечами и тянусь за карандашом для губ.

Не хочу заранее накручивать маму. Потому и не скажу, что думаю на самом деле. А на самом деле я думаю, что Элино́р не проявляла к Люку ни малейшего интереса, пока его компания не начала обретать вес в Нью-Йорке. Люк всегда мечтал произвести на нее впечатление, потому и расширение затеял в первую очередь в Нью-Йорке, хотя сам никогда этого и не признает. Но Элино́р, карга старая, в упор его не видела, пока Люк не начал заключать по-настоящему крупные контракты и мелькать на страницах газет, – тут она и смекнула, что сынок может ей пригодиться. Прямо под Рождество она взялась за благотворительность – открыла фонд Элино́р Шерман, а Люка назначила директором. Потом она задумала грандиозный гала-концерт в поддержку своего фонда – угадайте, кто помогал ей двадцать пять часов в сутки и измотался настолько, что Рождество встречал выжатым как лимон?

Но я ничего не могу сказать Люку. Заикнулась однажды, и Люк тотчас встал в оборонительную стойку, заявил, что я никогда не ладила с его матерью (что недалеко от истины), что она жертвует уймой своего времени, помогая нуждающимся, – так чего мне, спрашивается, еще надо?

– Она, наверное, очень одинокая женщина, – размышляет мама. – Бедняжка, все сама. Живет в своей маленькой квартирке. У нее хоть кошка есть для компании?

– Мама... Элино́р не живет в «маленькой квартирке». У нее двухэтажная квартира на Парк-авеню.

– Двухэтажная квартира? Что-то вроде коттеджа? – Мама сочувственно качает головой. – О, но это же совсем не то же, что уютный дом, верно?

Все, сдаюсь. Бесплезно.

В холле «Клариджа» толпа одетых с иголки людей, все пьют чай. Официанты в серых куртках снуют с чайниками в серо-белую полоску, в воздухе висит оживленный гул. Ни Люка, ни Элино́р не видно. Я верчу головой по сторонам – и внезапно во мне вспыхивает надежда. А вдруг их тут и нет? Вдруг Элино́р не смогла прийти! Господи, благодарю тебя за...

– Бекки?

Я разворачиваюсь – и сердце ухает вниз. Вот они, на диване в углу. Люк сияет – как и всегда, когда видит свою матушку; Элино́р сидит на самом краешке, в костюме в мелкую ломаную клетку, отороченном мехом. Волосы – как лакированный шлем, а ноги, затянутые в светлые чулки, смотрятся еще тоньше. Лицо ее кажется бесстрастным, но по сверканию глаз я понимаю, что Элино́р устраивает моим маме с папой «обзор по-манхэттенски».

– Это она? – изумленно шепчет мама, пока мы сдаем пальто. – Подумать только... Она до того... молода!

– Ничего подобного, – бормочу я. – Ей в этом очень крепко помогают.

Некоторое время мама непонимающе таращится на меня – и наконец до нее доходит.

– Ты имеешь в виду... Она делала *подтяжку лица*?

– И не одну. Так что не затрагивай эту тему, ладно?

Мы ждем, пока папа сдаст наши пальто, и я вижу, как трудится мамин мозг: переваривает полученную информацию и пытается ее куда-нибудь приткнуть.

– Бедняжка, – неожиданно объявляет она. – Это должно быть ужасно – ощущать такую неуверенность в себе. Вот к чему приводит жизнь в Америке.

Когда мы приближаемся к дивану, Элино́р поднимает голову и растягивает рот на три миллиметра – у нее это равноценно улыбке.

– Добрый день, Ребекка. Мои поздравления по поводу помолвки. Весьма неожиданно. Это как понять?

– Большое спасибо. – Я выдавливаю улыбку. – Элино́р, хочу представить вам моих родителей: Джейн и Грэхем Блумвуд.

– Как поживаете? – дружелюбно произносит папа и протягивает руку.

– Грэхем, не надо церемоний! – восклицает мама. – Мы собираемся стать одной семьей! – И, прежде чем я успеваю ее остановить, сгребает ошарашенную Элинон в объятия. – Мы до того рады вас видеть, Элинон! Люк нам все о вас рассказал!

Наконец мама отстраняется. Обнаружив, что она смяла Элинон воротничок, я невольно хихикаю.

– Разве здесь не мило? – продолжает мама, усаживаясь. – Просто потрясающе! – Она озирается по сторонам, глаза ее блестят. – Ну а что мы будем пить? Просто по чашечке чаю или чего-нибудь покрепче – чтобы отпраздновать?

– Чай, я думаю, – произносит Элинон. – Люк...

– Сейчас! – Люк мигом вскакивает.

Ненавижу, как он суется вокруг своей матушки. Он ведь такой сильный и уверенный в себе, но с Элинон – совсем другой. Можно подумать, будто она директриса, а он при ней – мелкий прихвостень. Даже не поздоровался со мной.

– Элинон, – говорит мама, – я для вас кое-что принесла. Увидела вчера и не устояла.

Она извлекает золотистый сверток и вручает его Элинон. После небольшой заминки Элинон разворачивает бумагу и выуживает записную книжку в пухлом голубом переплете; на обложке серебряными буквами с завитушками выведено: «Его мама». Элинон таращится на книжку так, будто мама презентовала ей дохлую крысу.

– Их две! – с триумфом провозглашает мама. Она лезет в сумочку и достает такую же записную книжку, только розовую, с надписью «Ее мама». – Называются «Мамин помощник»! Сюда можно заносить меню, списки гостей... А вот пластиковый кармашек для образчиков ткани, посмотрите... Теперь мы сможем действовать слаженно! А эта страничка для идей... Я тут уже набросала кое-какие мысли, так что, если хотите что-нибудь добавить... или если есть какое-нибудь особое блюдо, которое вам нравится... Главное – мы хотим, чтобы вы приняли в этом посильное участие. – Она хлопывает Элинон по руке. – В самом деле, если захотите приехать и погостить, чтобы мы могли по-настоящему узнать друг друга...

– Боюсь, у меня слишком плотное расписание, – цедит Элинон с ледяной улыбкой, и тут появляется Люк с мобильником.

– Чай сейчас будет. И... У меня сейчас состоялся замечательный разговор. – Он обводит нас взглядом, едва сдерживая улыбку. – Мы только что заполучили в клиенты Северо-Западный банк. Новое розничное отделение. Это просто грандиозно.

– Люк! – восклицаю я. – Это чудесно!

Люк обхаживал Северо-Западный банк целую вечность и на прошлой неделе признался, что, кажется, проиграл его другому агентству. Так что это действительно удивительная новость.

– Хорошо сделано, Люк, – говорит папа.

– Это прекрасно, котик, – подхватывает мама.

Единственная, кто не говорит ни слова, – Элинон. Она вообще и ухом не ведет, знай себе роется в сумочке.

– Что вы об этом думаете, Элинон? – осторожно спрашиваю я. – Хорошая новость, правда?

– Надеюсь, это не отразится на твоей работе в моем фонде. – И Элинон со щелчком захлопывает сумочку.

– Не отразится, – беззаботно отзывается Люк.

– Конечно, ведь работа в фонде добровольная, – сладко вставляю я. – А это – основное занятие Люка.

– Действительно. – Взгляд, которым Элинор обдает меня, как ушат воды. – Что ж, Люк, если у тебя нет времени...

– Разумеется, у меня есть время. – Люк раздраженно косится в мою сторону. – Никаких проблем.

Просто отлично. Теперь на меня злятся оба.

Мама несколько обескураженно наблюдает за этой сценой, но тут приносят чай, и лицо ее проясняется.

– То, что доктор прописал! – восклицает она, когда официант ставит на стол чайник и вазу с лепешками. – Элинор, вам налить?

– Скушайте лепешку, – сердечно предлагает папа. – Взбитые сливки хотите?

– Не думаю. – Элинор морщится так, будто комки взбитых сливок парят по воздуху и просачиваются в ее тело. Она отпивает глоток чая и смотрит на часы. – Боюсь, мне пора.

– Что? – Мама изумленно вскидывает голову. – Уже?

– Люк, ты не подгонишь машину?

– Само собой. – И Люк осушает чашку.

Теперь моя очередь вытаращить глаза.

– Люк, что происходит?

– Я собираюсь отвезти маму в аэропорт, – говорит Люк.

– А что, такси не годится?

Как только эти слова срываются с моего языка, я спохватываюсь, что прозвучали они довольно грубо, – но черт побери, в конце концов! Планировалась чудная семейная встреча. Которая вылилась в какие-то три секунды.

– Я кое-что должна обсудить с Люком, – произносит Элинор, берясь за свою сумочку. – Мы можем сделать это в машине. – Она встает и стряхивает воображаемую крошку с юбки. – Была рада с вами познакомиться, – говорит она маме.

– И я рада! – восклицает мама и вскакивает в последней попытке проявить дружелюбие. – Это прекрасно, что мы с вами познакомились, Элинор! Я возьму у Бекки ваш номер, и мы чудесно поболтаем о том, что собираемся надеть! Мы же не хотим надеть одно и то же, верно?

– Ни в коем случае, – цедит Элинор, бросая взгляд на мамины туфли. – До свидания, Джейн. – Она кивает папе. – Грэхем.

– До свидания, Элинор, – вежливо произносит папа. Я смотрю на него и понимаю, что он отнюдь не в восторге. – До встречи, Люк. – Когда они исчезают за дверью, папа бросает взгляд на часы. – Десять минут.

– Ты о чем? – любопытствует мама.

– Вот сколько времени она нам уредила.

– Грэхем! Уверена, она не хотела... – Мама умолкает, обнаружив голубую «Его маму», так и лежащую среди оберточной бумаги. – Элинор забыла свой свадебный органайзер! – кричит она, хватая книжку. – Бекки, беги за ней.

– Мама... – Я глубоко вздыхаю. – Если честно... Я бы не стала утруждаться. Уверена, ей это не настолько интересно.

– На ее помощь я бы не рассчитывал, – говорит папа. Он тянется за взбитыми сливками и щедро плюхает их на лепешку.

– О... – Мама переводит взгляд с моего лица на папино – и медленно опускается на свое место, сжимая в руке записную книжку. – Понимаю.

Она отхлебывает чай, и я вижу, как она силится придумать, что бы сказать хорошее об Элинор.

– Может... Элинор просто не хочет вмешиваться, – произносит она в конце концов. – Это вполне понятно.

Но даже мамин голос звучит не слишком убежденно. Ненавижу Элинора.

– Знаешь, мама, допивай чай, – говорю я, – и давай-ка пройдемся по распродажам. Мы прекрасно проведем время. Мы одни.

– Да, – отвечает мама после паузы, – да, так и сделаем! Раз уж ты предложила – мне бы не помешали новые перчатки. – С каждым глотком чая она все больше взбадривается. – И, пожалуй, хорошая сумочка.

Франтон, Бинтон и Оглби

Адвокаты

739-я авеню, офис 503

Нью-Йорк

Миз Ребекке Блумвуд
Одиннадцатая Вест-стрит, 251,
апартаменты Б
Нью-Йорк

Дорогая миз Блумвуд.

Возможно, мы первые, кто поздравляет Вас с помолвкой с мистером Люком Брендоном, сообщение о которой мы видели в «Нью-Йорк таймс». Это должно быть счастливое время в Вашей жизни, и мы от всего сердца шлем Вам наилучшие пожелания.

Вместе с тем мы понимаем, что Вас окружат множеством нежеланных и просто безвкусных предложений. Однако мы предлагаем уникальную и сугубо личную услугу, к которой хотели бы привлечь Ваше внимание.

Как юристы, специализирующиеся в области разводов, с более чем тридцатилетним опытом, мы хорошо знаем, как важна в таких делах роль хорошего адвоката. Будем надеяться и молиться, что вы с мистером Брендоном никогда не дойдете до этого болезненного момента. Но если это произойдет, то мы предлагаем помощь специалистов в следующих сферах:

- оспаривание соглашений
- выплата алиментов
- судебные разбирательства
- разглашение информации (при помощи нашего частного детектива)

Мы не просим, чтобы Вы связались с нами сейчас. Просто сохраните это письмо среди прочих свадебных памяток – и, если возникнет необходимость, Вы будете знать, где мы.

Еще раз поздравляем!

*Эрнест П. Франтон,
ассоциативный партнер.*

Кладбище Ангелов Вечного Мира

Вестчестер-Хиллз

Округ Вестчестер

Нью-Йорк

Мисс Ребекке Блумвуд
Одиннадцатая Вест-стрит, 251,
апартаменты Б
Нью-Йорк

Возможно, мы первые, кто поздравляет Вас с помолвкой с мистером Люком Брендоном, сообщение о которой мы видели в «Нью-Йорк таймс». Это должно быть счастливое время в Вашей жизни, и мы от всего сердца шлем Вам наилучшие пожелания.

Вместе с тем мы понимаем, что Вас окружают множеством нежеланных и просто безвкусных предложений. Однако мы предлагаем уникальную и сугубо личную услугу, к которой хотели бы привлечь Ваше внимание.

Особенный свадебный подарок!

Есть ли для гостей лучший способ дать знать, что они понимают Вашу любовь, нежели подарить Вам соседние участки на кладбище? В мире и покое наших тщательно ухоженных садов Вы со своим супругом будете отдыхать вместе – как вместе и жили – целую вечность⁶.

Пара участков в престижном Саду Освобождения в данное время доступна по специальной цене в 6500 долларов. Почему бы не внести это дополнение в свадебный список – и позволить близким сделать Вам подарок, который действительно останется навечно?⁷

Еще раз примите наши поздравления и пожелания долгой благословенной жизни в супружестве.

---

⁶ В случае развода участки могут быть перемещены на противоположные стороны кладбища.

⁷ «Хамбург Семейная Покойницкая Инк.» сохраняет за собой право перераспределения могильных участков, с уведомлением в течение 30 дней, – в случае сокращения земельного пространства (см. дополнительные условия и положения).

*Хэнк Хамбург,
директор по продажам.*

4

Да кому вообще нужна эта чертова Элинор?

У нас будет чудесная свадьба – с ее помощью или без. Мама говорит – ей же хуже, она еще пожалеет, когда на празднике останется ни при чем. Мы и в самом деле как следует взбодрились после того, как ушли из «Клариджа» и отправились на распродажу в «Селфриджз»⁸, где мама нашла отличную новую сумку, а я купила тушь для ресниц, увеличивающую объем (папа, как водится, осел в соседнем пабе за пинтой пива). А потом мы поужинали втроем, и домой вернулись повеселевшие, и случившееся даже показалось нам смешным.

На следующий день мы все рассказали Дженис, когда она наведлась к нам на чашку кофе. Преисполнившись праведным гневом, Дженис заявила, что если Элинор рассчитывала на бесплатный макияж, то может с этой мечтой распрощаться. Потом к нам присоединился папа; он так похоже изобразил Элинор, уставившуюся на взбитые сливки, будто они хотели ее придушить, что мы зашлись в истерике. Тут сверху спустился Люк и поинтересовался, что это нас так развеселило. Пришлось прикинуться, будто мы смеемся над какой-то шуточкой по радио.

Я и вправду не знаю, как вести себя с Люком и его матушкой. С одной стороны, надо быть честной. Надо втолковать Люку, как Элинор расстроила нас всех и обидела маму. Беда в том, что я уже пробовала в открытую поговорить с ним об Элинор, и это неизменно приводило к скандалу. А я *не хочу* никаких скандалов сейчас, когда мы едва-едва помолвлены и пребываем в состоянии блаженного счастья.

Ведь если не считать Элинор, все просто превосходно. Сами убедитесь: я же еще в Нью-Йорке листала «Свадьбу и дом» и наткнулась на тест «Готовы ли вы к браку?». Так вот, мы с Люком получили высший балл! И вот что там было написано про нас: «Поздравляем! Вы – гармоничная и любящая пара, способная справиться со своими проблемами. Между вами нет недомолвок, и ваши взгляды в большинстве случаев совпадают».

Ну ладно, допустим, я слегка смухлевала. Например, на вопрос «Чего вы ждете с наибольшим нетерпением от свадьбы?» я собиралась дать ответ «а» – «Свадебные туфли», пока не увидела, что вариант «б» – «Заключить союз на всю жизнь» – принесет десять очков, а вариант «а» – только два.

Но ведь наверняка все так жульничают. Думаю, составители тестов каким-то образом учитывают мухлеж.

И в конце концов, не выбрала же я третий вариант – «Десерт» (ни одного очка).

– Бекки?

– Да?

Мы вернулись в нашу нью-йоркскую квартиру час назад, и Люк просматривает почту.

– Ты не видела последнего уведомления о счете? Придется им позвонить.

– Ой, он пришел. Извини, забыла тебе сказать.

Я спешу в спальню, достаю из тайника уведомление, и тут мне становится немного не по себе.

В тесте был вопрос и про денежные дела. Кажется, я отметила вариант «б» – «У нас одинаковые статьи расходов, и деньги никогда не становятся для нас предметом разногласий».

– Вот! – весело щебечу я, вручая Люку листок бумаги.

– Не понимаю, почему у нас все время превышен кредит, – недоумевает Люк. – Не могут же домашние расходы возрастать с каждым месяцем... – Он смотрит на листок,

⁸ Крупнейший в Лондоне универмаг на торговой улице Оксфорд-стрит.

испещренный толстыми белыми блямбами. – Бекки... А почему это уведомление все в какой-то дряни?

– Извини, – с покаянным видом говорю я, – там стояла бутылочка с кремом, я передвигала книги, а она... взяла и опрокинулась.

– Но его же невозможно прочитать!

– Разве? – невинно отзываюсь я. – Какая неприятность. Не обращай внимания, такое случается...

Вынуть листок из пальцев Люка я не успеваю.

– Тут написано... – Глаза у Люка внезапно сужаются. Он скребет по уведомлению ногтем – и большая блямба засохшего крема отваливается.

Черт! Вот черт. Надо было кетчуп взять, как в прошлом месяце.

– «Миу-Миу». *Я так и думал!* Бекки, что здесь делает «Миу-Миу»?

Люк снова работает ногтем – и крем осыпается с бумаги как снег. Боже. Только бы не увидел...

– «Сефора и Джозеф». Не удивительно, что у нас превышен кредит! – Люк устремляет на меня взгляд, исполненный отчаяния. – Бекки, этот счет – для расходов по хозяйству! А не для юбок от «Миу-Миу»!

Ну ладно. Пан или пропал.

Я с вызовом скрещиваю руки на груди и вздергиваю подбородок.

– Итак... Юбка – это не расход по хозяйству. Ты это хочешь сказать?

Глаза у Люка лезут на лоб.

– Разумеется, именно это.

– Что же, пожалуй, в этом вся проблема. Наверное, нам обоим следует пересмотреть кое-какие представления.

– Понятно, – произносит Люк после паузы, губы у него слегка подергиваются. – Значит, ты считаешь юбку от «Миу-Миу» расходом по хозяйству.

– И правильно. Она же в хозяйстве, разве нет? – Кажется, я не на самой твердой почве. – И вообще, – быстро продолжаю я, – разве это так важно? У нас есть благополучие, есть мы сами, есть... вся радость жизни. Вот что имеет значение. А вовсе не деньги! Не счета в банке. Не обыденные, разрушающие душу вещи. – Я отмечаю разрушающие душу вещи мановением руки и чувствую себя так, словно произношу речь на вручении «Оскара». – Мы слишком ненадолго на этой планете, Люк. У нас так мало времени. А когда приблизится конец – что будет иметь большее значение? Количество клочков бумаги – или же любовь? Знать, что сошлось несколько ничего не значащих цифр, – или знать, что ты был именно таким человеком, каким и хотел быть?

И я умолкаю, сраженная собственным красноречием. Поднимаю глаза, ожидая увидеть Люка, готового прослезиться, шепчущего: «Да, ведь у тебя есть я».

– Весьма волнующе, – чеканит Люк. – Так, просто ради информации: по моему разумению, «расходы по хозяйству» означают совместные траты на содержание квартиры и проживание. Еда, отопление, средства для уборки и так далее.

– Прекрасно, – пожимаю я плечами. – Если тебя устраивает такое узкое... такое *ограниченное* определение – пожалуйста.

Тут звонят в дверь. Я открываю и обнаруживаю на пороге Дэнни.

– Дэнни, юбка от «Миу-Миу» – это расход по хозяйству?

– Конечно! – удивляется Дэнни и входит в комнату.

– Видишь? – Вскинув бровь, я поворачиваюсь к Люку. – Но ради бога, пусть будет твое определение...

– Так вы уже слышали? – угрюмо спрашивает Дэнни.

– Что слышали?

– Миссис Уоттс все продает.
– Что? – Глаза у меня расширяются. – Ты серьезно?
– Как только истекает срок аренды, мы вылетаем.
– Она не может так поступить!
– Она – владелица. Что хочет, то и делает.
– Но... – Я в смятении смотрю на Дэнни, потом на Люка; тот укладывает в портфель какие-то бумаги. – Люк, ты слышал? Миссис Уоттс все продает!

– Знаю.
– Ты *знал*? Почему ты мне не сказал?
– Извини. Я собирался. – Вид у Люка абсолютно безмятежный.
– Что мы будем делать?
– Переезжать.

– Не хочу я переезжать. Мне здесь нравится!

Я обвожу взглядом комнату – и у меня щемит сердце. Здесь мы с Люком были счастливы весь минувший год. Я не хочу, чтобы меня изгоняли отсюда.

– Вам не интересно, чем это обернется для меня? – спрашивается Дэнни. – Рэндал съезжается со своей подружкой.

– Он тебя что, выгоняет? – с тревогой спрашиваю я.

– Практически да. Или плати, говорит, или ищи другое место. Нет, ты скажи, Люк, как он себе это представляет? Пока моя новая коллекция не закончена, это просто невозможно. Это все равно как если бы он вручил мне картонную коробку и сказал – живи.

– Ну а как... гм... продвигается новая коллекция? – осторожно интересуюсь я.

– Видишь ли, быть модельером – отнюдь не так просто, как кажется, – уходит в оборону Дэнни. – Ты не можешь творить по заказу. Это вопрос вдохновения.

– Может, тебе на работу устроиться? – предлагает Люк, берясь за пальто.

– Работу?

– Нужны же модельеры... даже не знаю... в «Гэп», например?

– «Гэп»? – Дэнни потрясен. – Полагаешь, я проведу жизнь, строча *спортивные рубашки*? Оба рукава вот так, три пуговицы сбоку, тут присобрать... Как прикажешь сдерживать мой пыл?

– Что будем делать? – взываю я к Люку.

– С Дэнни?

– С нашей квартирой!

– Что-нибудь подыщем, – заверяет Люк. – Да, кстати! Мама приглашает тебя сегодня на ланч.

– Она вернулась? – с ужасом спрашиваю я. – То есть... Она вернулась!

– Операцию отложили. – Люк слегка кривится. – Швейцарские медицинские шишки затеяли в клинике какое-то расследование, как раз когда там была мама, и все процедуры приостановили. Так как насчет... часа дня в «Ла Гулу»?

– Прекрасно. – С энтузиазмом у меня явный недобор.

А когда за Люком закрывается дверь, мне становится неловко. Вдруг в душе Элинор что-то переменялось? Вдруг она хочет закопать топор войны и заняться свадьбой? Кто знает.

Я решила держаться с достоинством и говорить, что помолвлена, только если меня спросят, как прошла поездка в Англию.

Но когда доходит до дела, не выдерживаю. В отдел персональных закупок «Берниз» я врываюсь, выставив руку и с воплем «Смотрите!».

Эрин, моя коллега, подскакивает, пялится на мои пальцы, а потом ахает:

– О господи! Господи!!!

– И не говори!

– Ты помолвлена? С Люком?

– Ясное дело, с Люком! Поженимся в июне.

– А что ты наденешь? Как же я завидую! – тарахтит Эрин. – Покажи кольцо! Откуда оно? Как только обручусь – пойду напрямиком к «Харри Уинстонз». И прости-прощай месячное жалованье, мы по меньшей мере три года только и делаем, что говорим... – Она умолкает, разглядывая кольцо. – Ничего себе!

– Семейное, – сообщаю я. – Бабушки Люка.

– Да, конечно. Так оно... не новое? – Лицо Эрин слегка тускнеет. – Ну что ж...

– Оно... выдержанное, – со значением говорю я, и Эрин снова сияет.

– Выдержанное! Выдержанное кольцо! Круто!

– Поздравляю, Бекки! – Кристина, мой босс, тепло улыбается мне. – Я знаю, что вы с Люком будете счастливы.

– Можно примерить? – просит Эрин. – Нет! Извини. Забудь. Я просто... Выдержанное кольцо!

Эрин все еще разглядывает кольцо, когда появляется моя первая клиентка, Лорел Джонсон. Лорел – президент компании, которая предлагает в аренду сложную технику. Она моя любимая клиентка, хоть и твердит все время, что цены в нашем магазине непомерные и, если бы не занятость, она бы покупала одежду в другом месте.

– Что тут происходит? – спрашивает Лорел, снимая пальто и встряхивая темными кудрями.

– Я помолвлена! – объявляю я.

– Помолвлена! – Лорел подходит ко мне, ее пронизательные темные глаза рассматривают кольцо. – Что ж, надеюсь, вы будете счастливы. Уверена в этом. Не сомневаюсь, у вашего мужа хватит благоразумия держать свое хозяйство подальше от белобрысой пигалицы, которая работает под его началом и заявляет, что ни один мужчина еще не внушал ей такого благоговения. *Благоговения*. Представляете? Слыхали когда-нибудь такую... – Она обрывает себя на полуслове и прикрывает рот рукой. – Черт.

– Ничего, – утешаю я ее, – вас на это спровоцировали.

Лорел поклялась, что после Нового года даже не заикнется о своем бывшем и его любовнице, потому что психоаналитик по имени Ганс находит эту тему вредной для ее здоровья. К сожалению, клятву свою Лорел постоянно нарушает. Но я не могу ее за это винить. Бывший муженек, похоже, был той еще свиньей.

– Знаете, что мне Ганс посоветовал на прошлой неделе? – говорит Лорел, когда я открываю дверь примерочной. – Чтобы я записывала все, что мне хочется сказать о той твари, а потом рвала на мелкие-мелкие кусочки. Он говорит, что так я сумею освободиться.

– И что? – заинтересованно спрашиваю я.

– Я все записала. И отправила ей по почте!

– Лорел! – Я силюсь не расхохотаться.

– Знаю. Ганс был недоволен. Но если бы он знал, что это за сука...

– Что ж, начнем, – тороплюсь я, пока Лорел не пустилась в воспоминания о том, как застучала мужа и его белобрысую пассию пичкающими друг друга клубничкой у нее на кухне. – Я немного задержалась сегодня утром...

Когда мне удастся припомнить, что же хотела Лорел, и подобрать для нее вещи, мы уже миновали клубничный инцидент и дошли до кулачной схватки на Мэдисон-авеню.

– В жизни не получала такого удовлетворения! – Лорел просовывает ладонь в рукав шелковой блузки. – Ну и рожа была у этой мелкой дряни, когда я ей врезала! Никогда раньше не била женщину! Это так здорово! – Она яростно просовывает другую руку, и я вздрагиваю

от треска рвущейся ткани. – Я заплачу! – не моргнув глазом объявляет Лорел. – Хорошо, а что у вас еще есть?

Порой мне кажется, что Лорел меряет одежду только для того, чтобы с ней подраться.

– Я, кстати, не рассказывала, как она его называет? – добавляет Лорел. – Уильям! Это, видите ли, более звучно, чем Билл. Его, к чертовой матери, *Биллом* зовут!

– А вот жакет. – Я пытаюсь отвлечь ее. – Как вам?

Лорел надевает жакет и смотрится в зеркало.

– По-моему, превосходно! – говорит она наконец. – И зачем мне ходить куда-то еще? Я это беру. И такую же блузку. Не рваную. – Она вздыхает со счастливым видом. – Побываю у вас, Бекки, – и легче становится. Сама не знаю почему.

– Это тайна, – улыбаюсь я и делаю отметку в книжке.

Пожалуй, в работе персонального закупщика самое приятное то, что ты по-настоящему сближаешься со своими клиентами. Некоторые даже становятся друзьями. Когда я впервые встретила с Лорел, она только что рассталась с мужем. Злилась на него, злилась на себя, и уверенность в себе у нее была на нуле. Не собираюсь хвастаться, но когда я нашла для Лорел превосходное платье от Армани к большому празднику, на который должен был явиться ее бывший, когда увидела, как она разглядывает себя в зеркале, вздергивает подбородок, улыбается и вновь ощущает себя привлекательной, – я и вправду почувствовала, что помогла ей начать новую жизнь.

Пока Лорел переодевается в свой деловой костюм, я выхожу со стопкой одежды из примерочной.

– Я такое не надену... – доносится приглушенный голос из комнаты Эрин.

– Может, примерите... – Это Эрин.

– Вы же знаете – я этот цвет не ношу! – Голос повышается, и я замираю.

Английский акцент.

– Я не намерена больше тратить время! Хватит таскать мне тряпки, которые никуда не годятся.

Крохотные паучки бегают вверх-вниз по моей спине. Не может быть...

– Но вы хотели чего-то нового... – беспомощно лепечет Эрин.

– Позвоните, когда найдете то, что я просила.

И, прежде чем я успеваю шелохнуться, она выходит из примерочной Эрин. Все такая же высокая, белокурая и безупречная, губы изогнуты в высокомерной усмешке, волосы гладко зачесаны, глаза мерцают – настоящая королева.

Алисия Биллингтон.

Алисия – длинноногая стерва.

Я встречаюсь с ней взглядом – и меня словно электрическим током шибает. Больше года я не видела Алисию Биллингтон. Мне следовало с этим справиться. Но будто и не было этого года. Воспоминания все так же остры и горьки. О том, что она сделала со мной. О том, что она пыталась сделать с Люком.

Алисия взирает на меня все с тем же начальственным видом, к какому она приноровилась, будучи специалистом по связям с общественностью, когда я подвизалась в качестве репортера-новичка. И как я ни убеждаю себя, что значительно выросла с тех пор, что теперь я – сильная женщина с успешной карьерой и мне ничего не нужно доказывать, все равно чувствую, как внутри что-то сжимается, а ноги начинают трястись. Я превращаюсь в нескладную девочку, простушку, не знающую, что сказать.

– Ребекка! – вскрикивает Алисия так, словно мой вид изрядно развеселил ее. – Кто бы мог подумать!

– Привет, Алисия! – Я заставляю себя вежливо улыбнуться. – Как дела?

– Я, конечно, слышала, что ты прислуживаешь в магазине, но полагала, что это просто шутка. – Алисия усмехается. – А оказывается... Что ж, это разумно.

«Я не “прислуживаю в магазине”! – хочется прокричать в ярости. – Я персональный закупщик! Это профессия, требующая мастерства! Я помогаю людям!»

– И ты все еще с Люком, как я понимаю? – Алисия окидывает меня издевательски-озабоченным взглядом. – Как его фирма? Встала наконец на ноги? Помнится, у них были нелегкие времена.

Невероятно! Это же она пыталась свалить Люка, разорить его фирму. Это же она устроила настоящий заговор, организовала конкурирующую фирму, обманом увела к себе клиента Люка. Это она прогорела и потеряла все деньги своего дружка!

И вот на тебе – держится как победительница.

Я несколько раз сглатываю, подыскивая разящий и остроумный ответ. Однако в голову, как назло, не приходит ни одного подходящего слова.

– Я теперь живу в Нью-Йорке, – беззаботно сообщает Алисия. – Так что, полагаю, мы снова будем видеться часто. Может, продашь мне пару туфель. – И, одарив меня барственной улыбкой, забрасывает через плечо ремешок сумочки от «Шанель» и выплывает из отдела.

После ее ухода повисает тишина.

– Это *что* было? – произносит наконец Лорел.

Я даже не заметила, как она, полуодетая, вышла из примерочной.

– Это была... Алисия – длинноногая стерва, – бормочу я, все еще пребывая в ошарашенном состоянии.

– Скорее, Алисия – Сука Толстозадая, – замечает Лорел. – Всегда говорила: сучек, хуже английских, не сыскать. – Она обнимает меня. – Не переживай. Она явно ревнует.

– Спасибо. – Я тру лицо, стараясь отогнать видение. Но, честно говоря, я все еще в шоке. Не ожидала, что снова доведется столкнуться с Алисией.

– Бекки, мне так жаль, – говорит Эрин, когда Лорел скрывается в примерочной. – Я понятия не имела, что вы с Алисией знакомы!

– А я понятия не имела, что она твоя клиентка!

– Она редко заглядывает. – Эрин кривится. – В жизни не встречала таких дерганых. Так что между вами произошло?

«Да ничего особенного, – хочется мне сказать. – Просто размазала меня в бульварных газетах, да чуть не уничтожила карьеру Люка, да и вообще с самой нашей первой встречи держалась со мной как последняя гадина. Сущие пустяки».

– Так, приключилась одна история, – выдавливаю я наконец.

– Знаешь, что она тоже помолвлена? С Питером Блейком. Очень состоятельный тип.

– Погоди. – Я морщусь лоб. – Я думала, она еще в прошлом году вышла замуж. За того англичанина, Эда... как там его...

– Так и было. Только ни фига у нее не вышло. Ты что, не слышала эту историю? – В отделе появляются две покупательницы, и Эрин понижает голос: – Уже сыграли свадьбу, идет прием – и вдруг заявляется Питер Блейк с какой-то дамочкой. Алисия и знать его не знала, но как только выяснила, кто это такой, мигом на него глаз положила. Начала болтать с ним, то да се, но Алисия-то уже замужем! – Глаза Эрин искрятся от смеха. – И тут она прямиком топает к священнику и заявляет, что желает аннулировать брак.

– *Что?*

– Желает аннулировать брак! На собственном свадебном приеме! Раз, говорит, брак еще не завершился половыми отношениями, он не считается. – У Эрин вырывается смешок. – Ты представляешь?

Я невольно хмыкаю.

– Если речь об Алисии, еще как представляю.

– Она из тех, кто всегда получает то, чего хочет. Свадьба у них планируется грандиозная. Но Алисия совсем озверела. Чуть ли не силой заставила шафера сделать пластическую операцию – не устроила, видите ли, форма его носа, перетрясла всех цветочников в Нью-Йорке... У свадебного распорядителя крыша едет! А у тебя кто распорядитель?

– Моя мама, – отвечаю я – и глаза у Эрин лезут на лоб.

– Твоя мама – свадебный распорядитель? А я и не знала!

– Да нет, ты что! – Я хихикаю, немного придя в себя. – Моя мама организует только нашу свадьбу.

– Понятно. Что ж, так, пожалуй, и легче. Ты можешь оставаться в стороне.

– Ну да. Ты только сплунь! – И мы обе смеемся.

В «Ла Гулу» я вхожу ровно в час, но Элино́р еще нет. Меня провожают к столику, и я потягиваю минералку, дожидаясь мать Люка. В этот час здесь полно народу – главным образом принаряженные дамочки. Они трещат без умолку, сверкают дорожными зубами и украшениями, а я подслушиваю без зазрения совести. За соседним столиком особа с густо подведенными глазами и с массивной брошью возмущенно вещает:

– В наши дни обставить квартиру меньше чем за сотню тысяч долларов просто невозможно!

– Я – человек, между прочим! Именно так я и заявила Эдгару, – рассказывает рыжеволосая девица с другой стороны. Ее приятельница жуёт сельдерей и сверлит ее горящим, алчным взором.

– Ну а он что?

– Одна комната – тридцать тысяч!

– Он сказал: «Хиллари...»

– Ребекка?

Вот досада, так и не узнаю, что сказал Эдгар. Элино́р сегодня в кремовом жакете с крупными черными пуговицами и с сумочкой в тон. К моему изумлению, она не одна. У ее спутницы каштановые волосы, темно-синий костюм и большая сумка.

– Ребекка, позвольте представить Робин де Бендерн, – говорит Элино́р. – Она лучший свадебный распорядитель в Нью-Йорке.

Что за черт?

– О... Здравствуйте...

– Ребекка, – Робин берет в ладони мои руки и внимательно заглядывает мне в глаза, – наконец мы увиделись. Я так рада нашей встрече. *Так* рада!

– Я тоже, – мямлю я, судорожно напрягая мозги. Разве Элино́р заикалась о встрече со свадебным распорядителем? Мне что, полагается быть в курсе?

– Такое прелестное лицо! – восхищается Робин, по-прежнему тиская мои руки.

На вид Робин лет сорок; у нее безупречный макияж, орехово-карие глаза, чуть выпирающие скулы, широкая улыбка открывает ряд превосходных зубов. Энтузиазм Робин заразителен. Она отступает на шаг и окидывает меня одобрителем взглядом.

– Такая молодость, такая свежесть! Дорогая, вы будете потрясающей невестой. Вы уже определились, что наденете?

– Э-э... может, свадебное платье? – брякаю я, и Робин заливается звенящим смехом.

– Какое чувство юмора! О, эти британские девушки! Вы были совершенно правы, – добавляет она, обращаясь к Элино́р, и та милостиво кивает.

Элино́р – права? Это в чем?

Они что, мне косточки перемывали?

– Спасибо. – Я незаметно пытаюсь отодвинуться от Робин и кивком указываю на стол: – Может, мы...

– Чудесно! – восторженно подхватывает Робин, словно я выдвинула самое гениальное предложение из всех, какие ей только доводилось слышать. – Так и сделаем.

Робин садится, а я замечаю на ее жакете брошку в виде двух переплетенных бриллиантовых колец.

– Вам нравится? – оживляется Робин. – Это мне подарили Гилбруки в благодарность за то, как я организовала свадьбу их дочери. Вот *это* была драма! Бедняжка Битти Гилбрук в последнюю минуту сломала ноготь, и нам пришлось мчаться к ее маникюрше на вертолете... – Она умолкает, погрузившись в воспоминания, а потом широко улыбается, глядя на меня, – как тут не улыбнуться в ответ! – Так что вам повезло! Везучая, везучая девочка! Скажите, вы ведь наслаждаетесь каждым мгновением?

– Ну...

– Никогда не устаю повторять, что первая неделя после помолвки – самое бесценное время. Его надо *смаковать*.

– Вообще-то прошло уже две недели...

– Смакуйте! – Робин поднимает палец. – Купайтесь в этом. Как я постоянно всем говорю, эти воспоминания никто, кроме вас самой, не сохранит.

– Что ж, – соглашаюсь я, – буду смаковать и купаться.

– Прежде чем мы начнем, – вмешивается Элинора, – я хочу показать вот это.

Она лезет в сумочку и выкладывает на стол приглашение.

Ну-ка, ну-ка...

Миссис Элинора Шерман просит Вас почтить своим присутствием...

Ого! Элинора устраивает празднование помолвки! Для нас!

– Ничего себе! Спасибо. Я и не знала, что мы отпразднуем помолвку!

– Я обсудила это с Люком.

– Правда? Он мне ничего не говорил.

– Должно быть, выскочило из памяти. – Элинора одаривает меня снисходительно-ледяной улыбкой. – Я велю доставить стопку таких приглашений вам на квартиру, и вы можете позвать нескольких своих друзей. Десятерых, скажем.

– Что ж... Спасибо.

– Ну а теперь, может быть, шампанского – чтобы это отметить?

– Какая замечательная идея! – восторгается Робин. – Как я всегда говорю, если не можешь отпраздновать свадьбу, что тогда вообще праздновать? – Она вновь дарит мне ослепительную улыбку, и я опять улыбаюсь в ответ. Эта женщина все больше располагает меня к себе. Но я по-прежнему не понимаю, какого черта она здесь делает.

– Гм... Позвольте спросить, Робин, – нерешительно произношу я, – вы здесь... по долгу службы?

– О нет. Нет, нет, не-е-ет. – Робин мотает головой. – Это не служба. Это *призвание*. Часы, что я посвящаю... Любовь, с которой я отдаюсь...

– Действительно. – Я бросаю неуверенный взгляд на Элинору. – Но дело в том, что... Я не думаю, что мне нужна чья-то помощь. Хотя с вашей стороны очень любезно...

– Не нужна помощь? – Робин запрокидывает голову и звонко хохочет. – Вы собрались обойтись без помощи! Умоляю! Вы представляете, что это такое – организация свадьбы?

– Ну...

– Вы этим когда-нибудь занимались?

– Нет, но...

– Так многие девушки думают, – кивает Робин. – А вы знаете, что это за девушки?

– Не...

– Это девушки, которые поливают слезами свой свадебный торт, потому что из-за стресса уже не способны чему-либо радоваться! Хотите быть такой же?

– Нет! – в тревоге вскрикиваю я.

– Правильно! Конечно же, не хотите! – Робин откидывается на спинку стула, довольная, как учительница, ученики которой наконец сложили два и два. – Ребекка, я избавлю вас от этой обуви! Я возьму на себя всю головную боль, весь тяжкий труд, возьму на себя *стресс*... А вот и шампанское!

Может, в этом есть смысл, прикидываю я, пока официант разливает шампанское по трем высоким бокалам. Пожалуй, лишняя пара рук в помощь – это неплохая идея. Вот только как скоординировать их с мамой?..

– Я стану вашей ближайшей подругой, Бекки, – продолжает Робин. – Ко дню свадьбы я узнаю вас даже *лучше*, чем все ваши подруги. Люди называют мои методы странными. Но стоит им увидеть результат...

– Робин нет равных во всем городе, – замечает Элинон, отпивая шампанское и заставляя Робин скромно потупиться.

– Начнем с основного. – Она достает большой блокнот в кожаном переплете. – Свадьба двадцать второго июня...

– Да.

– Ребекка и Люк...

– Да.

– В отеле «Плаза»...

– Что? – Глаза у меня лезут на лоб. – Нет, не в...

– Как я понимаю, и церемония, и прием состоятся именно там? – Робин поворачивается к Элинон.

– Думаю, да. – Элинон кивает. – Так намного проще.

– Извините...

– Значит... церемония – в зале с террасой? – Робин что-то строчит в блокноте. – А прием – в бальной зале. Чудесно. И сколько?..

– Минуточку! – Я кладу руку на ее блокнот. – Вы о чем?

– О вашей свадьбе, – оповещает меня Элинон. – С моим сыном.

– В отеле «Плаза», – слепит улыбкой Робин. – Вряд ли стоит объяснять, как вам повезло с датой. По счастью, именно мой клиент отменил заказ, так что я подсуежилась и смогла вас пристроить...

– Я не выхожу замуж в отеле «Плаза»!

Робин, озабоченно сморщив лоб, поворачивается к Элинон:

– Я думала, вы поговорили с Джоном Фергюсоном?

– Так и есть, – отчеканивает Элинон. – Я беседовала с ним вчера.

– Отлично! Сами понимаете, у нас очень жесткие сроки. Свадьба в отеле «Плаза» меньше чем за пять месяцев? Иные распорядители свадеб сказали бы – невозможно. Но я – не из таких. Однажды я организовала свадьбу за три дня. Три дня! Конечно, дело было на побережье, там все иначе...

– Вы что, хотите сказать, что в «Плазе» все заказано? – Я разворачиваюсь на стуле. – Элинон, мы женимся в Оксшотте. Вы же знаете.

– Оксшотт? – Робин хмурится. – Впервые слышу. Это за городом?

– Были кое-какие предварительные наметки, – отмахивается Элинон, – их легко отменить.

– Все не предварительные! – Во мне закипает ярость. – И отменить их нельзя!

– Простите, я улавливаю легкое напряжение, – радостно объявляет Робин. – Так что пойду-ка я сделаю несколько звонков... – Она хватает мобильник и перебирается на другой конец ресторана, предоставив нам с Элинон прожигать друг друга взглядами.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь сохранять спокойствие.

– Элино́р, я не выхожу замуж в Нью-Йорке. Я выхожу замуж дома, в Англии. Мама уже занялась организацией, и вы это знаете!

– В деревенском захолустье вы не поженитесь, – четко произносит Элино́р. – Вам известно, кто такой Люк? Вам известно, кто я?

– При чем здесь это?

– Для человека с зачатками интеллекта вы слишком наивны. – Элино́р отпивает глоток шампанского. – Это событие большого социального значения. И организовано оно должно быть надлежащим образом. С размахом. «Плаза» – лучший вариант для свадьбы. Вы должны это понимать.

– Но мама уже начала подготовку!

– Что ж, она может ее прекратить. Ребекка, ваша мать только рада будет, если этот груз свалится с ее плеч. Это не подлежит обсуждению, я беру на себя все расходы. А ваша мать может присутствовать как гостья.

– Она не захочет быть какой-то гостьей! Это свадьба ее дочери! Она хочет быть хозяйкой! Хочет организовать все!

– Итак! – прерывает нас беспечный возглас. – Мы помирились? – Робин снова возникает у стола.

– Я договорилась, чтобы сегодня после ланча нам продемонстрировали зал с террасой, – ледяным тоном произносит Элино́р. – Буду рада, если вы окажете нам любезность и взглянете на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.